

Возвращение Турецкого

Фридрих Незнанский

Черный амулет

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Черный амулет / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Возвращение Турецкого)

У террористов все готово к очередной «громкой» акции. Но никто ни в Генеральной прокуратуре, ни в МУРе, ни в агентстве «Глория» не знает, где она может произойти. Как выглядит малолетняя террористка? Где прячется главный исполнитель? Кто ему помогает? И кто, наконец, является «крысой»? Один день, и в этот долгий день произойдут все события. А Турецкий, лежащий в госпитале после тяжелой контузии, неожиданно становится одним из самых активных участников поиска...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	20
Глава четвертая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Фридрих Незнанский

Черный амулет

Роман создан по мотивам телевизионного сериала «Возвращение Турецкого» (производство ООО «Студия АРТ-Базар», 2006 год)

Эта книга от начала до конца придумана автором. Конечно, в ней использованы некоторые подлинные материалы как из собственной практики автора, бывшего российского следователя и адвоката, так и из практики других российских юристов. Однако события, место действия и персонажи безусловно вымышлены. Совпадения имен и названий с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными.

Глава первая

Предупреждение

Этот телефонный разговор был неприятен Ирине Генриховне Турецкой. Незнакомый голос, отвратительно мягкий и как будто заискивающий – бывают такие противные, словно шелестящие словами, голоса пожилых подхалимов, – прежде всего попросил ее не отключать трубку, а внимательно выслушать, ибо от ее благоразумия зависит все ее будущее. «Ни фиги себе сказано!» Вот именно так Ирина и подумала, решив отключить телефон. Однако что-то чисто интуитивное подсказывало ей, что за этой навязчивой вежливостью прячется серьезная опасность, в первую очередь для Шурика, находящегося в огромном и бестолковом, с ее точки зрения, госпитале, да к тому же еще и не под ее присмотром. Поэтому мобильный не отключила, хотя громко вздохнула, демонстрируя свою неприязнь к звонившему. И тот понял ее.

– Я могу только посочувствовать вам, Ирина Генриховна, уважаемая, вы и не представляете, как я глубоко понимаю вас. Как восхищаюсь поистине неоценимым подвигом вашего драгоценного супруга Александра Борисовича... Как готов вместе с вами и вашими лучшими друзьями – Грязновым и Меркуловым – скорбеть по поводу безвременной гибели Дениса Андреевича... Да, к сожалению, бродят еще среди нас нелюди, вампиры и прочая нечисть, из-за которой гибнут хорошие люди... Увы и еще раз увы!.. А теперь два слова о деле...

Голос резко изменился, словно заговорил другой человек – с жесткой интонацией и недвусмысленными намерениями.

– Я, наверное, вас разочарую, – поторопилась Ирина, – по той простой причине, что не имею решительно никакого отношения к делам своего мужа. Вы ведь именно это имели в виду, выражая свое сочувствие, не так ли?

– Приятно разговаривать с понимающей женщиной, – уже сухо констатировал собеседник. – Но знать что-то вам совсем и необязательно. Достаточно будет того, что вы внимательно выслушаете меня, запомните то, что я подчеркну особо, и затем передадите вашему супругу. Причем, хочу предупредить, ему эта информация позарез необходима, как... Ну, скажем, как воздух. Он ведь успел оценить, что значит для человека просто свободно дышать, без усилий, не так ли?

– Я должна воспринимать ваши слова как угрозу?

– Ни в коей мере! И Александр Борисович сам прекрасно разберется, как ему следует поступить. А вот от вас, глубокоуважаемая, требуется только одно: донести до него мысль о том, что замечательный его фокус, который он не без успеха продемонстрировал однажды в парке «Сокольники», во второй раз может не получиться. Да что я говорю! Конечно, не получится. Подобные рискованные цирковые номера исполняются лишь однажды в жизни. Скажите ему, он поймет.

– Про фокус?

– В частности, и про него тоже. Но главное здесь вот что. У Александра Борисовича в настоящий момент, а также и в неопределенном еще будущем, связанным с обязательным для него лечением, появляется прекрасная возможность прислушаться, наконец, к советам заинтересованных людей и сделать соответствующие выводы.

– Я снова повторяю: это касается его работы? – настойчиво перебила Ирина.

– Ну разумеется, о чем же мы так долго говорим с вами?

– И вы желаете использовать меня в качестве собачки, которая таскает хозяину домашние тапочки?

– Ну что вы! Вы, с вашими многочисленными талантами, – и такая мелкая роль? Нет, милая, мы хотим, чтобы и вы сами прониклись мыслью о том, что и для Александра Борисо-

вича, и для его прелестной семьи будет великим благом, если он, хотя бы лежа на койке, прекратит, пусть временно, свою энергичную деятельность». Я – на полном серьезе. Ему достаточно дать указание своему помощнику Владимиру Дмитриевичу Поремскому несколько умерить пыл, не теряя при этом собственной объективности, и, поверьте мне, у обеих сторон, участвующих в общем деле, немедленно появится реальная возможность прийти к консенсусу. Речь ведь не о бандитских разборках конца прошлого века, от которого мы все, слава Создателю, благополучно ушли, а о новых, пусть пока сложных взаимоотношениях возможных партнеров. И только недалекий человек может этого не понимать. А ваш Александр Борисович к такому никак не относится. Так вот, милая моя, теперь вкратце. Идеальным вариантом было бы вообще прекращение уголовного дела и уголовного преследования на основании статей двадцать четвертой тире двадцать седьмой УПК. Тонкости вам знать ни к чему. Зачем забивать вашу прелестную головку всякой малополезной информацией? А ваш супруг поймет, он – умный человек.

– Ваши комплименты мне решительно ничего не говорят о том, кто заинтересован, чтобы мой муж совершил должностное преступление. Я ведь правильно вас поняла, господин неизвестный собеседник, не посчитавший для себя приличным хотя бы назваться?

– Да что вы, какое там преступление?! Можно подумать, что вы живете не в реальном мире, а в каком-то собственном, выдуманном. И я, как ни странно, могу вас понять. Да, разумеется, еще совсем недавно те проблемы, которые пытаются решить господа, поручившие мне «уговорить» Александра Борисовича посмотреть на вещи разумно, считались криминальными. Точно так же, как любое, скажем, торговое посредничество именовалось спекуляцией, а любое приобретение собственности считалось уголовным преступлением. Разве вы забыли? Но сегодня, когда в обществе правят совершенно иные законы, продолжать упираться и тормозить ход прогресса по меньшей мере неразумно... Согласны, надеюсь?

– Ну... в общем...

– Вы абсолютно правы: и в общем, и в частном... А что касается меня, то могу сказать, что с Александром Борисовичем мы в прежние времена частенько «пересекались», когда он был обыкновенным следователем, а я – адвокатом. Просто напомните ему про Бориса Аркадьевича, этого будет вполне достаточно. Он также поймет, кого я представляю в данном случае, чьи интересы. Скажу больше, дальнейшее лечение вашего супруга потребует от вас, Ирина Генриховна, вложения немалых денег. А учеба вашей замечательной Ниночки в Кембриджском колледже – тем более. Так вот, посмотрите на все эти обстоятельства непредвзятыми глазами. Поговорите с мужем. Он вас любит и не станет упираться, как в былые времена. И запомните, речь идет не о взятке. Мои клиенты такими пустяками не занимаются. Взятки – это, простите, для ЖЭКа, чтоб новый кран поставили на кухне. А на нашем с вами уровне в дело вступают два главных фактора: элементарная человеческая благодарность и порядочность. Но наиболее важным здесь является время, понимаете?

– Признаюсь, не очень, – неохотно ответила Ирина.

– Время – это деньги, надеюсь, слышали?

– Естественно.

– Ну так вот, с расследованием, которое по указанию... не важно, мы-то знаем, кто дал Генеральной прокуратуре такое указание, начал ваш супруг, еще являясь здоровым и полным сил, будет покончено, по всей вероятности, в самое ближайшее время...

– Тогда не понимаю, какой смысл больному человеку предпринимать какие-то нелепые телодвижения? Или у вас все же нет твердой уверенности? – съязвила Ирина.

Борис Аркадьевич рассмеялся совсем добродушно:

– А вы – умница, подловили старика!

– Вот уж чего не собиралась! – Ирина едва не фыркнула с презрением, но вовремя спохватилась: выказывать свою откровенную неприязнь она вовсе не собиралась, кто знает, что там у них стоит за этой отвратительной игрой в «порядочность»...

– Ну, как бы там ни было, – мягче заговорил Борис Аркадьевич, – а дополнительные доказательства для твердой уверенности никогда не помешают. Надеюсь, вы и в этом согласны со мной? – Он помолчал в ожидании ответа, но, не дождавшись, продолжил вкрадчиво: – А то ведь знаете, как иной раз случается? Ураган налетел, крыши с домов посрывал, машины побил, кирпичи на головы невинным людям стали валиться – кошмар, одним словом. И вроде никто не виноват, а беды понаделано – бессчетно. Так вот, чтоб не было. Все-таки гарантия... Ну а я, пожалуй, больше не стану вам морочить голову, но про фокус вы обязательно напомните, это очень важно конкретно для него. Прошу прощения, но другой возможности связаться с господином Турецким я пока не нашел, поэтому решил воспользоваться вашей любезной помощью. Уверю вас, что при удачном стечении обстоятельств именно вы в первую очередь узнаете, сколь велика бывает простая человеческая благодарность. А засим прощайте, надеюсь вновь услышать ваш очаровательный голос... Да, и последнее. Его, я имею в виду Александра Борисовича, официальное согласие, между прочим, нам и не требуется. Умным людям достаточно понять его позицию по фактам дальнейшего развития дела. Впрочем, этого можете мужу не говорить, он и сам прекрасно понимает, что в данном случае для него, как никогда прежде, может оказаться верным выражение: «не было бы счастья, да несчастье помогло»... Что ж, чрезвычайно рад даже заочному знакомству с вами, прелестница...

– Секунду! – словно спохватилась Ирина. – А если я расскажу о вашем предложении не только мужу?

– Хм... Полагаю, у вас хватит благоразумия этого не делать. Вот вам мой дружеский совет. Да, ко всему прочему, у вас и доказательств никаких нет по поводу нашего состоявшегося разговора. Ведь так? Молчите? Ну и правильно делаете. Всего вам хорошего.

В телефонной трубке послышались короткие гудки. Ирина Генриховна долго держала ее в руках, не отключая, словно не хотела, чтобы кто-то мог к ней в эту паузу дозвониться. Она размышляла, а думать было о чем.

Звонки подобного рода поступали в квартиру и прежде, но были они не столь пространственными и вежливыми. В основном угрозы Шурику, типа: «Эй, следак, убери свои грабки! Иначе бабе твоей устроим такую групповуху, что ей мало не покажется!» Это было понятно, бандиты, одним словом. И всякий раз, сталкиваясь с хамскими угрозами, Ирина знала, что Шурик тут, с ней, и, как говорится, «держит руку на пульсе». И Славка Грязнов всегда был рядом. И Дениска Грязнов, словно большой ребенок, – умный, вежливый, добрый... Вот поди ж ты, угадай, что именно он, всегда смотревший на нее, Ирину, восторженными, словно у юноши, глазами, закроет Шурика своим телом от взрыва той проклятой шахидки...

Но чтоб так, вежливо и одновременно уверенно, что и было для нее самым неприятным, разговаривать с женой следователя, «советуя» ей «уговорить» мужа прекратить следственные действия, – такого еще не было. Как и разглаговольствований о порядочности. И что это еще за Сокольники у Шурика? Он ведь никогда не посвящал ее в тайны своего ремесла, она сама, пианистка и преподаватель музыки, по собственной воле и желанию взялась за изучение криминалистики и психологии с одной-единственной целью: оказаться рядом с ним! Разные профессии и, соответственно, разные интересы – реальная угроза семье, особенно когда связующее звено выросло и уже не терпит родительской опеки, воспринимая ее как вмешательство в свою личную жизнь. О господи, и когда это произошло?! Ведь выросла, живет в этом проклятом Кембридже... А для матери дочка всегда будет маленькой и слабой, постоянно нуждающейся в защите... даже когда у нее у самой появятся дети...

И этот «ласковый мерзавец» прекрасно знал, какова будет у Ирины реакция, намекнув на спокойствие «замечательной Ниночки»!..

Ну а в самом-то деле надо это Шурке, лежащему в койке, чтоб его жена и дочь постоянно тряслись от страха?... Может быть, сначала поговорить с Костей? Рассказать, вытянуть из него про эти Сокольники? Должен ведь понять? Или они все там уже давно живут исключительно своей, «государственной» жизнью, куда не долетают ни земные проклятья, ни гимны?...

Что ж, попытка, верно говорят, не пытка. Подумав так, Ирина Генриховна вдруг криво усмехнулась: а разве постоянное ожидание беды не есть уже та самая жестокая пытка? Вот тебе и парадокс – сама себе невольно приготовила пытку...

И верная супруга Александра Борисовича Турецкого, слабая и чересчур интеллигентная, по мнению ее мужа, женщина, решила ничего сейчас не говорить Шурику, который, естественно, немедленно распахнется и станет размахивать руками. Но не говорить только до тех пор, пока от заместителя генерального прокурора Меркулова не будут ею получены исчерпывающие объяснения. По всем вопросам, включая и про этого Бориса Аркадьевича, кстати, в первую очередь. А там она еще посмотрит!

Глава вторая

Неординарные действия

Старший советник юстиции Дмитрий Сергеевич Колокатов, недавний еще сотрудник международно-правового управления Генеральной прокуратуры, оказался в помощниках у заместителя генерального прокурора Меркулова по чистой случайности. Турецкий, являясь до происшедшей трагедии первым помощником генпрокурора и одновременно занимая ту же должность у Константина Дмитриевича, надолго, как полагали, «улегся в койку». Более того, его возвращение на службу вообще считалось в желтом здании на Большой Дмитровке весьма проблематичным. И по этой причине, прежде всего, когда кое-кто удивлялся, зачем Меркулов понадобился этакий явно «скользкий» тип, Костя отвечал, что Колокатов со своей «проходимостью» был востребован исключительно именно в связи с этим ярким своим качеством. Он мог достать из-под земли все, что угодно, причем в максимально короткий срок, умел наладить любые связи, был постоянно любезен, необидчив и смотрел всегда чистыми и открытыми по-детски глазами в лицо собеседнику, излучая искренность и правду. Что нередко и требовалось, особенно при решении «трудных» вопросов, которых в последнее время, как ни странно, становилось все больше. Очередная замена генерального прокурора, коих в своей жизни Меркулов пережил достаточно, всегда какое-то время лихорадила сложный прокурорский коллектив.

Многого Константин Дмитриевич своему помощнику не доверял, но зато на всю катушку использовал то, чем был «богат» Дмитрий Сергеевич. И, кстати, постоянно отмечал, что тот не пользуется своими вновь открывшимися, достаточно широкими возможностями.

Да, конечно, Саня был создан из другого теста. Он был жесткий в отстаивании своих позиций, личной точки зрения и стремился и умел это постоянно доказывать. Разумеется, с Саней было очень нелегко, но его энергия и мастерство с успехом компенсировали некоторые, не самые лучшие качества характера. Это же не раз отмечал и прошлый уже генеральный прокурор, которому иной раз тоже невольно было спорить со своим помощником и тогда приходилось становиться на «официальную ногу». Было, было... Нехорошо, конечно, звучит. А что говорить, когда нет дальнейшей определенности и ясности?

Так что, можно сказать, особых претензий у Кости к Колокатову не было. Ну а что звезд, как говорится, тот с неба не хватает, так зато умеет их вовремя «доставать», что также немало важно. Но к чему эти рассуждения?

А к тому, что Саня, помнится, не терпел препон на своем пути в кабинет Меркулова, когда дело касалось каких-либо важных для него проблем. Иногда даже приходилось слегка «окорачивать» Саню – раз уж носишь погоны, изволь соблюдать хотя бы видимость субординации. И Костя настолько привык к этому положению, что, выслушивая доклад секретарши Клавдии Сергеевны о ежедневных текущих делах и встречах, в самом конце никак не мог без улыбки отреагировать на ее, ставшее уже привычным:

– А когда у вас окажется свободная минутка, Дмитрий Сергеевич просил его предупредить особо. У него к вам важное дело, и, по его словам, сугубо конфиденциальное.

Вот такой, понимаешь, ненавязчивый, вежливый помощник! Не дай бог, чтоб начальству не показалась просьба принять его по делу за наглую вторжение без спросу. И где их такой учтивости учили-то? Они же все вместе – и Саня, и этот Дмитрий, и Петя Щеткин – вместе учились. М-да, учились-то вместе, а получились такие разные... И как мог этот Щеткин, нормальный, ответственный вроде человек, по словам Славы Грязнова, решиться на взятку?... Да у кого! И почти в открытую! В голове не укладывается... Говорил: подставили! Но пока нет доказательств. Остается верить и... ждать...

Теперь вот новая душевная боль у совестливого Константина Дмитриевича. Мог бы и наплевать: в конце концов, не свои кадры, а муровские, пусть Яковлев-старший и заботится... Но, странное дело, Колокатов убежден, что Щеткин и есть тот самый «крот» в Генеральной прокуратуре, а Саня нагло и презрительно расхохотался по поводу этой «идиотской инсинуации». Так ведь прямо и сказал, как отрезал. И кому верить? По идее, следовало верить Сане. Нет уж, дело теперь, как говорится, сделано, а вот с последствиями пусть потом Яковлев разбирается... Тревожно становилось на душе Меркулова.

Звонила Ирина, и не просила, а похоже было, судя по интонации, требовала принять ее, уже едет. Но пока она едет, вот и выдалась короткая пауза. Меркулов нажал клавишу интеркома и сказал секретарше:

– Клавдия Сергеевна, у меня образовалась минутка, и если у Колокатова еще есть необходимость, пусть заходит. А вы проследите, пожалуйста, чтобы на проходной был пропуск на Ирину Генриховну Турецкую...

Колокатов оказался в кабинете так быстро, словно ожидал приглашения в приемной.

– Садитесь, – кивнул Меркулов. – Какие проблемы? Что за срочность?

– Я по поводу Щеткина, Константин Дмитриевич, – удрученно сказал Колокатов. – Новые соображения появились.

– Вот как? Дружка защищать, что ли, собрались? – Тон у Меркулова был недружелюбный. – Или новые обвинения нашлись, наконец?

– Вы знаете, Константин Дмитриевич, я проанализировал свои... э-э... соображения на этот счет и хочу вам признаться...

– Ну, валяйте, – без всякого интереса предложил Меркулов. – Только, пожалуйста, покороче.

– Да, я знаю, Сашина жена должна подъехать, я постараюсь коротко.

«Все-то он знает», – недружелюбно подумал Константин Дмитриевич.

– Итак, я проанализировал. И пришел к выводу, что факты, изложенные следователем Цветковым относительно виновности майора Щеткина, нуждаются в серьезнейшей дополнительной проверке. – Колокатов обреченно вздохнул. – Увы, я боюсь, что и сам несколько потропился с жесткими выводами.

– Ну так исправляйте, кто ж вам мешают?

– В том-то и беда, что кардинально исправить положение тоже не получается. Необходима детальная и тщательная оперативная проверка.

– Займитесь ею, – равнодушно заметил Меркулов, теперь уже забавляясь ситуацией. – Но не забывайте, что в первую очередь вы обязаны заниматься расследованием дела о терроризме. Я не могу им руководить в силу понятных причин, а вы, в данном случае, мои глаза и уши в следственной бригаде. Вот ваша главная задача. Кстати, что там слышно по поводу убийства Цветкова? Есть новости?

– К сожалению, пока никаких. Экспертиза показала, что пуля из пистолета Макарова выпущена с довольно близкого расстояния. Ранение оказалось смертельным. Оружие так и не найдено, хотя местность в районе Лосиног острова прочесали неоднократно. Очевидно, убийца унес его с собой. Причины убийства пробуем прояснить, изучая дело Цветкова. Это все.

– Да, я еще вчера слышал, вы же и докладывали. Повторяетесь, Дмитрий Сергеевич.

– Извините, у меня от этих событий уже все, видимо, в голове перемешалось.

– Следите за головой, – посоветовал Меркулов. – Она вам еще понадобится.

– Слушаюсь, – вполне серьезно ответил Колокатов. – Так, если позволите, я хочу вернуться к Щеткину...

– Прошу... – Меркулов внутренне усмехнулся.

Только он один знал, что не далее как всего час назад Петя Щеткин, сидя вот здесь, в кабинете, поклялся доставить к концу дня доказательство действительного существования

«крота» в Генеральной прокуратуре. А затем с разрешения Меркулова он покинул здание Генеральной прокуратуры вот через это самое окно, куда Константин Дмитриевич сейчас смотрел. Рядом с окном снаружи находится водосточная труба, по которой Петр и спустился, имея в кармане ключи от меркуловской машины. Ну не мог Константин Дмитриевич поступить иначе!

Он в последнее время предпочитал ездить на своей служебной машине сам, без водителя. Словно догадывался, что после ухода на пенсию придется уже лично заботиться о транспортной проблеме собственной семьи. Но самое печальное, это время уже не за горами. И он старательно его приближает не самыми мудрыми поступками. Вот как сейчас...

А вообще-то, черт знает что! Какие-то детские игры! Казаки, понимаешь, разбойники! Но больше всего расстраивало Меркулова, что он, словно бессознательно поддавшись почти гипнотическому воздействию этого Щеткина, вступил в эту странную для себя игру. Нет, конечно, никаким гипнозом тут и не пахло, просто очень убедителен был в своей просьбе дать ему последний шанс Петр. Да и реакция Сани на этот счет тоже, видимо, отложилась где-то в мозжечке...

Сильно рисковал Константин Дмитриевич, выпроваживая аж до самого вечера из своего кабинета охрану, которая доставила к нему из СИЗО на допрос задержанного майора милиции Щеткина. По сути, под честное слово Петра отпустил и охрану, и его самого, твердо зная, чем может грозить ему теперь такое, просто невероятное, своеволие. Даже ключи от своей машины собственноручно вручил «беглецу». Короче говоря, дело уже сделано, и сейчас важнее всего не привлекать к нему дополнительного внимания. Оттого и тон общения Меркулов выбрал нейтральный. А Колокатов, судя по его поведению, не знал, чем закончился допрос. Да и вообще, был ли он. Все знает, а тут промазал? Нет, что-то не то...

Но в любом случае, хоть и сильно теперь уже сомневался Меркулов в своих решительных действиях, оставалась у него надежда на то, что их неординарность обязательно принесет свои плоды. Иначе с чего бы он стал так рисковать всем – и своим незапятнанным именем, и карьерой, и вообще... сказано же – всем? Значит, верил. Пусть и сомневался, но подспудно верил...

– Видно, в этом есть необходимость, Константин Дмитриевич, – уже твердо продолжил свою мысль Колокатов. – И если вы не будете возражать, в том плане, что мое присутствие здесь и сейчас не является крайне необходимым, я бы хотел пройти по следам Цветкова в день его убийства. Хочу, если вы не возражаете, на Житную съездить, там, по некоторым сведениям, кое-кто хорошо знал его. Да и Щеткина – тоже.

– Собираетесь отыскать его убийцу? А террориста кто будет ловить? Не знаю, не знаю, право, как вы это совместите...

– Владимир Дмитриевич предоставил мне такую возможность.

– Понятно, – кивнул Меркулов. А чего тут неясного? Естественно, Володя Поремский наверняка с большим удовольствием отпустил Колокатова, скорее всего, чтоб этот не путался у него под ногами. Ну что ж, руководителю бригады виднее. «Да... выбрал я себе помощника... ах, Саня, Саня...» – с горечью подумал Меркулов и вернулся к теме разговора:

– Так вы решили еще и Цветковым заняться? А кому дело поручено?

– Курбатову. И он тоже не против. Возможно, эти два дела придется соединить в одном производстве, Константин Дмитриевич. Я имею в виду Щеткина и Цветкова, а как вы считаете?

– Судя по тому, как вы рассказываете, возможно. Но решить это должен прежде всего Курбатов. Сделаю представление, я посмотрю. Есть порядок, и вы об этом знаете.

– Да, конечно... А на Цветкове теперь многое сходится. Он же, по существу, представил веские, как вам известно, доказательства против майора Щеткина... Но вчера, когда сам стал жертвой неизвестного убийцы, какой вывод напрашивается?... С одной стороны, получается, что его убийство можно рассматривать в порядке чьей-то мести за арест Щеткина...

– А с другой? – равнодушно спросил Меркулов, просто чтобы не молчать.

– С другой получается куда сложнее, Константин Дмитриевич, на мой взгляд. А вдруг именно Цветков и был тем самым «кротом», которого мы разыскиваем? Я задумался: а почему бы нет? Больше того, и моя собственная вина здесь несомненна! Именно я его и привлек к расследованию этой трагедии в детском доме. Для меня, поверьте, это будет ужасный моральный удар. Но я готов стерпеть, ибо против истины, как говорится... да... Ко всему прочему, Цветков владел всеми материалами дела. Возможно, что кому-то его знания могли показаться опасными, вот и... И убрали его. Или не так? Я не особо силен в следственных действиях, понимаю, надо учиться, но ведь и не боги, говорят, горшки обжигают.

– Да, в общем-то, если нужен хороший горшок, лучше, чтоб его сработал все-таки бог в своем деле. А так? Уж как получится.

– Я понимаю вас... Значит, вы не будете возражать, если я?...

– Да, займитесь... Если нет других вопросов, вы свободны, Дмитрий Сергеевич.

И когда Колокатов покинул, наконец, его кабинет, Константин Дмитриевич вздохнул с облегчением: не хватало, чтобы Дмитрий Сергеевич решил отправиться в СИЗО, к Щеткину. М-да, вот так один не слишком осторожный поступок, навеянный мгновенным доверием к человеку, может вдруг погрозить тебе своими тяжкими и непредсказуемыми последствиями...

Интересно, а куда сам Щеткин все же отправился?... Ответа нет, значит, придется ждать, уповая на то, что слова майора не окажутся блефом и заместителю генерального прокурора не придется писать своему новому шефу немедленное прошение об отставке. А ведь не исключено, черт возьми, если вдуматься!

Но, как бы там ни было, а Клавдию Сергеевну, к счастью умеющую держать язык за зубами, Константин Дмитриевич все-таки предупредил, чтобы она ни словом не обмолвилась, что в кабинете его нет арестованного Петра Щеткина. Вдруг кому-то придет мысль спросить. И еще, для всех, без исключения: Меркулов никого сегодня не принимает. Допрос ведет. И будет занят до позднего вечера. Все остальные дела – на завтра.

Позвонили с проходной. И хмурый Меркулов дал указание немедленно пропустить к нему супругу первого помощника генерального прокурора госпожу Турецкую. Чего они там дурака валяют? Выписан же пропуск! Или Клавдия чего-то напутала? Вот же ситуация! Теперь все готовы сослаться на Санину беду, лишь бы спихнуть с самих себя ответственность. Какую и зачем, этого Меркулов додумывать уже не стал, настроение было не то...

Идя кривыми коридорами Генеральной прокуратуры, Ирина Генриховна удивилась неожиданно пришедшей в голову мысли: оказывается, за долгие годы работы Шурика в этом здании она, его супруга, ни разу здесь не была. Как странно! А ведь именно тут и проходит большая часть его жизни, – получается, неведомая ей? Да нет же! А как же тогда все его друзья-приятели с их бесконечными, часто ночными, нахальными телефонными звонками и непрошеными визитами? Сослуживцы, от которых совсем, казалось, не было отбою?

Конечно, она, вольно или невольно, постоянно «варилась» в этом «котле», отчего иной раз становилось так тошно, что бросила бы все и умчалась на край света... А ведь случалось, так и делала, удирая то к тетке в Юрмалу, то к подругам по «Гнесинке», то на юга, к морю. Но долго не выдерживала характер, все представлялось, что Шурке, будь он неладен со своими вечными «фокусами», стало плохо, и он – несчастный, брошенный сукин сын... и конечно же ему ох как плохо без нее! И побег завершался чаще по ее же инициативе. Правда, иногда и друзья пытались «воздействовать на совесть». А потом все повторялось, пока... Пока ножом его не полоснут, или по башке трубой не огреют, или дырок в его шкуре не наделают... Шуточки все! Господи, сколько уже было их, этих «пока»! И все не успокоится, не остепенится, хотя полвека на носу... Ну да, и дружки-приятели, между прочим, такие же ненормальные, словно не от мира сего! Что Костя, что Славка...

Но Костя – вон он, сидит, ждет. А Славки нет. Не перенес гибели племянника, как-то странно быстро уволился из МВД и уехал, вот уж действительно на край света, в какую-то дальневосточную тайгу – не то людей защищать от тигров, не то тигров – от людей. У Шурки ж ни черта толком не узнаешь, для него и беда горючая – просто неудачная шутка жизни.

А почему вдруг вспомнилось это? Ах, ну да, из-за Шуркиных «фокусов»! И в связи с каким-то его фокусом в Сокольниках. Не забыть! А то Костя немедленно начнет успокаивать, журчать, зубы заговаривать, чтобы уйти от главного, он это хорошо умеет, должность такая...

Секретарша Кости, Клавдия Сергеевна, как та представилась Ирине, показалась слишком полной или, точнее, рыхлой для ее лет. Какими-то непонятными путями до Ирины Генриховны доходили летучие слухи о том, что эта пышная дама имела некие интересы в отношении Шурика и вроде бы небезуспешные. Поэтому Ирина не хотела сейчас явно демонстрировать свою неприязнь (что, если болтовня – на самом деле пустые слухи?) и изобразила максимум вежливости, на которую была в данный момент способна.

А секретарша радостно всплеснула руками и, разумеется, сразу поинтересовалась здоровьем Александра Борисовича, которым были, по ее словам, озабочены здесь все поголовно. Не сказала только, конкретно в этой приемной или во всем здании. Другое заинтересовало Ирину: если у Шурки что и было с этой толстушкой, то какие именно ее качества... достоинства... могли его устроить? Телесные или духовные? Нет, немного подумав, ответила себе Ирина, не стал бы Шурка, с его-то запросами... Скорее всего, тут никакого особого интеллекта не наблюдается, как, впрочем, и чисто женской привлекательности... Решила так и успокоилась, даже и не подумав о том, что иной мужчина ищет в мимолетной партнерше вовсе не интеллекта, а совсем другого, чем бывают богаты как раз не очень красивые, не говоря уже эффектные, и не очень умные, зато безмерно щедрые в своих чувствах одинокие женщины. Ну, не подумала – и ладно, значит, не очень и заикливалась на этой теме.

Кратко, но емко проинформировав Клавдию Сергеевну о состоянии здоровья своего мужа, что неоднократно, хотя как бы и мимоходом, сумела подчеркнуть Ирина, так и не заметив неприязненной реакции собеседницы, она убедилась в своей правоте. Действительно, за каждым более-менее симпатичным, не старым мужчиной, как правило, тянется некий шлейф его «побед», хотя оснований для этого чаще всего никаких. И успокоилась окончательно, увидев в глазах секретарши лишь обыкновенную человеческую благожелательность, ну, может, чуть больше, все ж таки они тут давно знакомы. Чуть ли не с молодости...

Клавдия Сергеевна сама открыла дверь в кабинет и пригласила Ирину Генриховну пройти.

Ирина и сама не понимала, отчего все-таки злится сегодня. Впрочем, ответ был прост: утренний проклятый звонок с этими намеками. Вот пусть Костя, лучший и ближайший друг, и ответит. А Костя уже поднялся из-за своего огромного стола и шел ей навстречу, лучисто улыбаясь и протягивая обе руки – не то чтобы обнять, не то кинуться целовать, – во всяком случае, выражение его лица было таким. Почему? Вчера ж виделись в госпитале. Или случилось что-то действительно хорошее?

– Садись, садись, – чуточку суетливо говорил он, помогая Ирине сесть в обычное кресло и устраиваясь напротив нее. – Клавдия Сергеевна, пожалуйста, чайку нам.

И его слова Ирина распенила как тонкий намек, чтобы она не особо задерживалась со своими вопросами и просьбами в этом кабинете. И настроение снова испортилось, чего она и скрывать не стала. Тем более что и наигранную веселость Кости как водой смыло.

– Ну, рассказывай, какие у тебя еще неприятности? – Он вздохнул тяжело, будто все уже знал наперед.

Ирина отбросила всю свою природную стеснительность. Это говорить легко, что вот, мол, войду и – с места в карьер... Не могла она так, хоть и злилась на себя по этой причине. Но в данном случае и с таким предисловьем Кости, она немедленно все ему выложила дословно,

как услышала в телефонной трубке. Не забыв упомянуть и о предупреждении проявить благо-разумие. По мере ее рассказа лицо Меркулова все больше хмурилось и словно напрягалось. А выслушав, он осуждающе покачал головой – непонятно, в чей адрес: то ли рассказчицы, то ли телефонного собеседника с мерзким шелестящим голосом. Но Ирина смотрела вопросительно, и ему следовало отвечать.

– Понимаешь ли, Ириночка, – словно в раздумье начал Меркулов, – по поводу этого Бориса Аркадьевича могу сказать лишь одно. Есть такой адвокат, его фамилия – Гринштейн. В свое время был успешным следователем, но вовремя для себя ушел в адвокатуру, ну, типа нашего Юрки Гордеева, хотя и классом пониже. Видимо, поэтому и находится в услужении у тех, кто стремится в настоящее время всеми силами заполучить себе титул отечественного олигарха.

Для Ирины, продолжил Меркулов, особого значения не имеет, в каком роде бизнеса задействованы эти люди, но если просто для удовлетворения праздного любопытства, то речь пойдет о совершенно новом явлении в экономической жизни страны, которое ныне названо рейдерством. Этот термин, объяснил Костя, происходит от английского слова «raid» и обозначает он прорыв, так сказать, вооруженных групп в тылы противника для уничтожения важных объектов и нарушения коммуникаций. Отсюда и известные в прошлом партизанские рейды.

Сегодня в России рейдерство – это фактически вооруженный захват чужой собственности, включающий в свои действия хищения ценных бумаг, фальсификацию документов, а также силовое проникновение в чужие помещения с избиениями невинных рабочих и служащих, угрозами их жизни и даже заказными убийствами руководителей учреждений и предприятий. А в подоплеке этого явления, к примеру, в столице лежит жестокая конкуренция: земля в Москве – поистине золотая.

Вот одним из таких весьма грязных дел и занималась до известных событий группа Сани Турецкого, в которую входили «важняк» Поремский и оперативники Яковлев и Романова.

К слову сказать, относительно небольшая территория, о которой и идет речь, кстати, в районе метро «Фрунзенская», неподалеку от дома Турецких, площадью всего около двух гектаров, где и расположено научно-производственное объединение, захваченное в настоящий момент рейдерами, по самым последним данным, стоит около пятидесяти миллионов долларов. И земля в столице продолжает с каждым днем дорожать.

Следствие, разумеется, будет продолжаться, никто не собирается его прекращать, так что пусть господа рейдеры дожидаются своей очереди. Однако сообщать Гринштейну, если тот еще раз позвонит, это необязательно. А с Саней, сказал Костя, он сам поговорит. К чему сведется роль Ирины в таком случае? Она якобы честно выполнит возложенную на нее миссию: передаст «нижайшую просьбу» господина адвоката своему мужу. А если у того возникнет вопрос-уточнение: какова была реакция Александра Борисовича? – можно спокойно ответить: никакой. В семье вообще служебные проблемы не обсуждаются.

Что же касается угроз, связанных с природными катаклизмами, падениями кирпичей на головы прохожих и прочего, то господину адвокату будет сделано соответствующее внушение, после которого и у него самого, и у его работодателей, вероятно, отпадет желание заниматься впредь погодными прогнозами.

Это, надо полагать, Костя так острил, чтобы заглушить у Ирины естественную, суеверную боязнь за жизнь мужа и дочери. И за собственную, разумеется.

Но нет, Ирине Генриховне не показалось, что Костина решительность зиждется на его твердой уверенности. И по этой причине она не преминула задать очередной вопрос:

– А каким образом вы собираетесь обезопасить наши «драгоценные» жизни? К каждому по телохранителю приставите? Или есть другие, менее заметные и хлопотные, зато более действенные методы?

– Твой сарказм не очень уместен, Ириночка, – неласковым голосом проговорил Меркулов. – У нас с тобой, если ты помнишь, уже не раз случался разговор на эту тему, и я тебе каждый раз твердо обещал свою поддержку, что и делал. Разве у тебя бывали после этого хоть какие-то неприятности? Нет. Так чего ж ты хочешь еще?

– Я хочу, прежде всего, твоей уверенности.

– А ты считаешь, что покуда у меня ее нет? Что ж, тогда посоветую тебе больше не поднимать городскую телефонную трубку, а пользоваться исключительно сотовой связью...

– Хорошее предостережение. Но беда в том, Костя, что звонили мне как раз на мобильный. Не объяснишь, откуда мой номер стал им известен?

– Очень сожалею, что это так. Сей момент означает, что за тобой давно уже установлена слежка. Ну а в принципе, узнать твой номер – нынче не самая сложная проблема. Увы, тот, кому он понадобится, получит его, в общем, без особого труда, за взятку оператору сотовой связи. У нас же в стране теперь все – на продажу. Но, предположим, я попрошу ребят из «Глории» выдать тебе временно одну из своих секретных трубок. Это может быть реальным выходом. Я не возражаю.

– А каким образом, Костя, ты собираешься припугнуть адвоката? И будет ли это иметь успех?

– Милая моя, – удивился Меркулов, даже руками развел, – ты же изучала психологию! Изучала криминалистику! Ты – почти профессионал в нашем деле. Неужели ты думаешь, я не найду способа сделать внушение? Да просто поручу это тому же Володе Поремскому, тот вызовет твоего адвоката к себе в кабинет и популярно растолкует, чем тому грозит подобная самодеятельность, вот и все, и никаких доказательств его противозаконной деятельности нам абсолютно не нужно... Или другой вариант... Но пусть тебя это не беспокоит. Еще какие вопросы? Небось, о Ниночке?

– Она, слава богу, далеко. Но, может быть, все же предупредить или каким-то официальным образом поставить в известность тех, кто обеспечивает безопасность детей в Кембридже? На частную жалобу вряд ли кто обратит серьезное внимание. Или я думаю неправильно?

– Да, в общем, так... Ну хорошо, я позвоню Питеру Реддвею и расскажу о возможной угрозе. Ему, думаю, будет удобнее связаться с руководством колледжа. Там же главный попечитель – его старинный дружок. Большой специалист, кто понимает... Не беспокойся... Ты едешь сегодня к Сане?

– Ну а как же?!

– Извини, все правильно. Если кому-то станет интересно, передала ли ты «советы» мужу, тот человек в этом сможет легко убедиться.

– Ты считаешь, что они станут за мной следить? – слегка напугалась Ирина.

– Не знаю, но подозреваю. Ты, во всяком случае, головой по сторонам не верти, будто ни о чем не догадываешься. Ты же на машине?

– Разумеется!

– Вот и прекрасно. Только будь осторожна. Скажи Сане, что я, возможно, скоро подъеду ненадолго, надо кое-что обсудить. Заодно и этот вопрос.

– Ну, Костя! – возмутилась Ирина. – Дайте же, в конце концов, человеку поправиться! Что вы его дергаете?! Неужели совсем совести нет?

Меркулов натянуто рассмеялся.

– Ириночка, пойми меня, Сане именно сейчас просто необходимо, чтобы его мозги, привыкшие к постоянной напряженной работе, не успокаивались, а медленно, постепенно входили в их привычный рабочий ритм... Это для него как обязательная утренняя физзарядка. Ты не задавалась простым вопросом: почему люди, вышедшие на пенсию и не находящие для себя полезных занятий, так быстро мрут?

– Ты считаешь, что мне пришла пора об этом задуматься? – Ирина, как ежик, так и «ощетинилась» всеми своими иголками.

– Помилуй бог! – Меркулов хохотнул. – Я совсем о другом. О спокойствии. Не может, понимаешь ли, деятельный человек вмиг, в одночасье, отказаться не только от привычных действий, но и от мыслей. Покой нас ожидает на кладбище, и этого нельзя забывать. А когда мы при жизни опускаем руки, считай, хана. Поэтому ты не ограждай Саню от проблем – это его жизнь. Другое дело – перегружать не надо, а так – пусть думает. Не убедил?

– Ладно, – отмахнулась Ирина, – что с вами, в конце концов, делать?... А теперь расскажи-ка ты мне, что там у Шурика случилось в Сокольниках?¹ И когда это было? Прочему адвокат заявил, что второй подобный фокус у Турецкого не получится? Только – правду!

И снова пришлось почти безнадежно вздохнуть Меркулову...

Это была история почти пятилетней давности. Почему-то Косте казалось, что Ирина должна быть в курсе ее. Хотя вряд ли, ее же тогда не было в Москве. Вячеслав ее вместе с дочкой Ниной в Гаграх спрятал... Значит, Саня так ей ничего и не рассказал? Неужели настолько стыдно ему стало? Интересно...

И Меркулов начал рассказывать про то неприятное для них троих – его самого, Грязнова и Турецкого – дело. Стараясь при этом не особенно вдаваться в детали, а как бы высветить только суть. А между прочим, и сама Ирина тоже сыграла тогда не самую лучшую свою роль в семейной жизни. Ну а про Саню и говорить нечего, кругом был не прав. Хотя, глядя с позиции сегодняшнего дня, еще как сказать...

Ну, словом, речь тогда шла о классическом уголовном образце российской коррупции, в которой были задействованы всеисильные еще недавно генералы госбезопасности, криминальные структуры, банкиры и торговцы оружием – целый букет могущественных фигурантов. Для того чтобы взорвать изнутри этот «серпентарий», Саня устроил ряд провокаций, в которых едва и сам не пострадал. Точнее, пострадал, потому что на него вышли «доброжелатели» и предложили огромные деньги, чтобы он не стал требовать отмены уже вынесенного судом приговора с направлением уголовного дела на новое судебное разбирательство по признакам статьи 386 УК. И тоже были угрозы и ему, и, естественно, семье. А в семье в то время царил полный разлад. Саня был не прав по-своему, Ирина тоже, словно ему в отместку, начала выкидывать «контики», встречалась в каких-то сомнительных барах, где демонстрировали мужской стриптиз, со своими якобы спонсорами, и так далее. Сам черт ногу сломит! Ну, разумеется, ревность, ругань, горшок об горшок... И тут еще эта ловушка! Либо – деньги и уход из Генеральной прокуратуры, либо... Ну, понятное дело, жена, дочь... Вот и решил Турецкий одним махом разрубить сразу все узлы. А что это была глупая и недостойная взрослого, умного человека идея, даже и не подумал – слишком сильным было его стрессовое состояние.

Славка сыграл свою «партию» просто отлично, да и ребята из «Глории» грамотно подсутились. Короче говоря, не дали они Сане красиво подвести трагическую черту под своей биографией.

А весь «фокус», на который прозрачно намекнул этот Гринштейн и от повторения которого предостерегал Турецкого, был незатейлив. Саня должен был тогда получить от заинтересованных в его уходе лиц чемоданчик с несколькими сотнями тысяч долларов отступного, так сказать, и громогласно объявить в прямом эфире по телевидению, что он покидает Генеральную прокуратуру, ибо категорически не согласен с политикой ее руководства.

И там тоже был адвокат с чемоданчиком, и встреча Сани с ним должна была состояться в парке «Сокольники». И она состоялась. Но только тот, известный адвокат так и не увидел Саняного официального заявления. Саня перед этим всю ночь напролет Нинкиными цветными фломастерами рисовал огромную фигу, изведя много бумаги, пока та не получилась

¹ См.: Незнанский Ф. Возвращение в Сокольники. М., 2002.

натурально похожей, и положил ее в папку вместо собственного заявления. И пистолет приготовил, чтобы благородно пустить себе пулю в лоб и тем поставить точку сразу на всех своих огорчениях. Саня же не знал, что буквально в последний момент ему ухитрились подменить пистолет, подсунуть другой, с пустой обоймой. Ну а посмотреть на дело Саниных рук тот адвокат так и не успел по той простой причине, что и его самого, и его многочисленную бандитскую охрану лихо повязали Славкины опера как раз в момент встречи.

Вот это все в достаточно сдержанных тонах и поведал Меркулов Ирине Генриховне, решив не затрагивать ее собственную, не самую, честно говоря, красивую роль в той истории. Во всяком случае, постарался объяснить, что смысл «фокуса» – в ловкой подмене важного и обличительного по отношению к Генеральной прокуратуре документа элементарной, живописной фигой. И Санин «фокус» не канул, выходит, в неизвестности, запомнился.

Нет, Ирина, конечно, что-то знала, о чем-то догадывалась, потому что испытывала явное неудобство, когда речь Кости коснулась «нервического» состояния Турецкого. И Меркулов, заметив это, поспешил свернуть свой рассказ, почувствовав, что Саниной супруге даже простого упоминания оказалось вполне достаточно.

А ведь действительно, странная тогда штука получалась. Саня, поди, давно уже и забыл о том факте, а эти адвокаты дьяволов, они, выходит, все знали и помнили. Иначе зачем было повторяться? Но ничем особо опасным такое напоминание Турецкому, а тем более его семье, по мнению Меркулова, не грозило. Но при всем при том следовало принять определенные меры.

А для начала Меркулов посоветовал Ирине ничего не говорить мужу об этом телефонном звонке: не надо заставлять его нервничать. Достаточно, по мнению Кости, будет тех мер, которые предпримет он сам. Он же, вероятно, найдет и соответствующую форму для изложения Сане краткой сути требований адвоката. Ничего, обойдется.

Перед уходом Ирина, естественно, не преминула задать вопрос о том, как движется расследование террористического акта. Собственно, этот вопрос был у всех на устах. Что мог Костя ответить? Только то, что сам он отстранен генеральным прокурором от ведения следствия по той простой причине, что является лицом, если уж так говорить, заинтересованным в первую очередь. Да и не дело заместителю генерального лично проводить расследования. А следствие теперь возглавил старший следователь по особо важным делам Володя Поремский, тот самый, что вел под руководством Сани дело рейдеров, но руководству Генеральной прокуратуры, – тут Меркулов скептически усмехнулся, будто сам к когорте руководителей не принадлежал, – показалось, что этого ему мало. Теперь еще и терроризм повесили на шею. Молодой, считают, справится. А Володя в некотором роде ученик Сани Турецкого, во всяком случае, лекции его слушал и, кстати, был переведен в Генеральную прокуратуру, как и ряд других товарищей с периферии, с прямой подачи Александра Борисовича. Так что если уж говорить о личной заинтересованности, – Меркулов снова с удовольствием окунулся в свой скепсис, – то хрен, как говорится, редьки не слаще. Заинтересованы все! За редким исключением. Да, к сожалению, есть и такие. Классик марксизма сказал, что жить в обществе и быть от него свободным – нельзя. Никак не получится. И это не просто слова – это закон жизни. Такой вот многозначительный итог подвел Меркулов, поднимаясь.

А когда Ирина Генриховна покинула кабинет, провожаемая замом генерального прокурора до дверей, он попрощался и быстро вернулся к столу. Позвонил по сотовому телефону в агентство «Глория».

– Кто это? Меркулов говорит.

– Здравствуйтесь, Константин Дмитриевич, – услышал он спокойный бас Голованова. – Слушаю вас.

– Всеволод Михайлович, у меня к вам небольшая просьба...

И он изложил вкратце суть разговора с Ириной.

– В чем заключается вопрос? – спросил Голованов.

– Если у вас есть свободный человек, не могли бы вы его временно задействовать для подстраховки Ирины Генриховны? Посмотреть, кто за ней катается. Что происходит в квартире на Фрунзенской набережной? Она же не постоянно там сидит, а бегает в госпиталь к Сане, вполне могли проникнуть в ее отсутствие в квартиру, понимаете? И оставить там массу всяких «игрушек». Ведь не исключено?

– Отнюдь. Ясно. Сделаем. Она сейчас где?

– Едет в госпиталь, к мужу.

– Машинка та же, зеленый «Дэу»?

– Она самая. И еще просьба попутно. Если можно, выдайте Ирине Генриховне на время один из своих закрытых сотовых телефонов, а то ее одолевают всякие «доброжелатели». Можно?

– Разумеется. Понял и принимаю к исполнению.

Через пятнадцать минут в направлении Лефортова выехал на неприметной темно-серой «девятке» Николай Щербак, бывший капитан спецназа ГРУ Министерства обороны, а ныне, волею судьбы, сотрудник охранно-сыскного агентства «Глория».

Глава третья

На «хвосте»

Николая Щербака всю жизнь спасало его умение сдерживать свой темперамент. Служба в разведке спецназа ГРУ научила его не только концентрировать и выбрасывать в нужный, взрывной момент все силы разом, но и копить их, как бы складывая в незримую внутреннюю копилку, будто грибы в корзинку на «смиренной охоте» в лесу. Вот, кстати, и любимое занятие, а когда бродил по лесу в последний раз, разгребая палую листву случайной палочкой, пожалуй, и не вспомнить. А ведь раньше, бывало... Впрочем, по правде-то говоря, и раньше времени не хватало, других забот невпроворот. Так что мечтай, Коля, мечтать, говорят, не вредно, а вредно как раз наоборот – не мечтать...

Мысли о грибах, как понял Щербак, у него возникли сейчас в качестве определенной защитной реакции.

Вообще, сам факт выполнения такого непростого оперативного действия, как слежение за объектом, находящимся в постоянном движении, и необходимость при этом ничем не обнаружить себя перед другим возможным наблюдателем, требует определенного мастерства. Это же не просто кататься следом за объектом, тут надо уметь и предугадать его неожиданный маневр, чтобы не попасть впросак. Ведь правила дорожного движения, между прочим, специально для тебя никто отменять не станет. А потерять свой объект наблюдения в московской толчее проще простого.

Но это уже, что называется, дело техники. Как и способы собственной маскировки, и многое другое, что приходит только с оперативным опытом. И, кстати, сюда же можно отнести такие свойства характера, как спокойствие, хладнокровие, умение быстро разобраться в условиях часто неожиданно возникающей задачи и создать самому себе условия для скорого ее выполнения. Это, конечно, зря некоторые начальники выдают, к примеру, такие задания: ты, мол, покатайся следом и посмотри там, чтоб все было тип-топ. Не буквально так, но, как говорится, близко к тексту, нечто подобное предложил и Константин Дмитриевич, которого Щербак всегда уважал именно за его знания и сообразительность – в первую очередь. Но в данном случае Меркулов явно что-то не додумал. Во всяком случае, Сева Голованов, передавая Николаю задание, тоже покрутил пальцем у виска – известным жестом.

Ну, во-первых, уж если ты хочешь, чтоб все было действительно тип-топ, то предупреди до, а не после. Госпожа Турецкая, видишь ли, уже выехала! И где ее теперь ловить? Ведь до нее еще доехать надо. Найти, пристроиться так, чтобы тот, кто уже, возможно, висит у нее на «хвосте», ничего не заметил. И сопровождать в дальнейшем, угадывая теперь уже не только ее действия и маневры, а также и ее преследователя.

А во-вторых, на такие задания оперативники отправляются парами, чтоб одна машина не примелькалась в глазах водителя – это раз, и два – в случае нужды разделить и ехать каждому за своим объектом. Идеальный, конечно, вариант, поскольку в «Глории», после гибели Дениса Андреевича, свободных сотрудников не оказалось, в трудные моменты он сам не раз садился за руль. И Сева, передавая задание Щербаку, понимал, что отрывает его от более важного дела, которое в настоящий момент расследовало агентство, но иного выхода нет – просьба Меркулова – не приказ, нет, приказывать он не мог – всегда считалась традиционно обязательной. Так постановил в свое время основатель «Глории» – Вячеслав Иванович Грязнов, этому же правилу всегда следовал и принявший от него агентство в свои руки Денис, хотя оно бывало порой и накладно.

Собственно, какие претензии Меркулову мог бы высказать в настоящий момент Щербак? Да никаких. Потому что он прекрасно понимал, что «дядь Костя», как величал того до послед-

него часа своей жизни Денис Грязнов, совершил ошибку всех бывших следователей, которые, благодаря своей многолетней «кабинетной практике», запомнили назубок все следственные правила – явные и тайные, но начисто забыли про «оперативку». Упустили из внимания, что и как делается «на земле», по которой ходят, бегают и ездят по следам преступников такие, как он, Николай Щербак. А вот, к примеру, Александр Борисович ни за что не допустил бы такого элементарного просчета. Потому что он сам умеет «бегать» не хуже простого опера. И он «притормозил» бы свою супругу и отпустил только тогда, когда опер уже сидел бы у нее на «хвосте». А теперь вот ищи ее!

Но эти размышления ничуть не напоминали ворчание раздраженного сыщика, а скорее констатировали ситуацию вообще, Щербак умел держать себя в руках и не отвлекаться от основного задания.

Зеленый «Дэу» он обнаружил на парковочной стоянке перед входом в госпиталь, но заезжать на ту же парковку не стал, а остановился на противоположной стороне площади. После чего отправился в вестибюль. Подниматься к Турецкому у него надобности не было, да и для этого надо было бы пропуск доставать, а это – лишнее время, но вот перекинуться парой фраз с Ириной Генриховной не помешало бы. А заодно и мобильник ей передать – от Севы. Ну и условиться о дальнейших планах и действиях.

Ирина у мужа не задержалась. Вероятно, принесла какие-то известия, передачку там, вроде домашней пищи, – а что еще носят тяжелым больным в клиники? – и отправилась по своим делам. Хотя, с другой стороны, какие могут быть более важные дела у женщины, чей муж только-только выбрался из комы? Кто их знает?... Но когда она появилась в раздевалке и отдала халат гардеробщице, Щербак подошел к ней и приветливо кивнул:

– Здравствуйте, Ирина Генриховна, вы меня не помните? Я – Щербак, из «Глории».

– Ах, Николай? – сразу узнала она. – Рада вас видеть. Вы к мужу?

– Нет, – улыбнулся он, – к вам. Давайте отойдем в сторонку. – И когда они отошли к окну, он спросил: – Вы, пока ехали от прокуратуры, никого за собой не заметили?

– Ах, вон вы о чем! – Ирина недовольно поморщилась. – Честно говоря, я и не пыталась смотреть по сторонам. Да и Костя не советовал. А вы считаете, Николай, что если вы будете кататься по всей Москве за мной, то я смогу себя чувствовать в полной безопасности? Или это так Костя считает?

– Ни то и ни другое, – возразил Щербак. – Чувствовать себя в относительной безопасности вы будете в том случае, если станете безвылазно сидеть у себя дома, а рядом с вами будет находиться, скажем, Сева Голованов с пистолетом в руке, снаружи, у входной двери – я, тоже с пистолетом, а внизу, у подъезда, к примеру, Филя Агеев с большой базуккой. Вот разве что тогда. И еще у подъезда должен танк стоять, с пушкой.

Он смотрел серьезно, а Ирина удивленно хмыкнула:

– Ничего себе! Признание! И как же быть?

– Ну, поскольку таких шикарных условий в данный момент мы вам обеспечить не можем, по ряду не зависящих от нас причин, то нам с вами придется обойтись тем, что вы не станете мне мешать отслеживать тех, кто, в свою очередь, попытается пристроиться возле вас.

– Интересно, и с какой целью?

Нет, она не понимала даже азов оперативной работы, хотя, как говорил Денис, специально закончила какие-то важные курсы по этой части, и тот же Денис собирался даже взять ее в «Глорию». Ну, теперь уже пути неисповедимы, а вот взаимопонимание надо установить обязательно. И Щербак глубоко вздохнул, в очередной раз приказывая себе быть холодным и рассудительным.

– Цель, Ирина Генриховна, может быть только одна, а вот пути ее достижения – самыми неожиданными. Итак, начнем с цели. Вам уже угрожали. Чем, позвольте узнать?

– Я говорила Константину Дмитриевичу... Но, может быть, это не является темой для разговоров?

– Является. Я постараюсь сделать правильный вывод.

– Ну... Александр Борисович должен прекратить свое расследование...

– Так, прекрасно. Надеюсь, оно не было связано напрямую с той бедой, которая... случилась? Я имею в виду юную шахидку.

– Нет, Шурина бригада занималась, как мне рассказал Костя, каким-то рейдерством. Захват зданий, земли, убийства... Оно давно тянется. И к этой проклятой бомбе, как я полагаю, никакого отношения не имеет. Но теперь я уже и сама сомневаюсь, а вдруг? Хотя, нет, то все-таки была случайность.

– Хорошо, будем считать, что так. Значит, «они» потребовали от вас, чтобы вы передали мужу, а тот, в свою очередь, прислушался, правильно?

– Да. Но Шура я ничего этого не сказала, потому что Костя просил, он сам сегодня подъедет и поговорит.

Щербак задумался. Когда предупреждение передано, то заинтересованные лица, если смотреть на вещи реально, должны подождать какое-то время, чтобы убедиться, что Турецкий внял предупреждению. Либо не внял. И только после этого начать активные действия. Другими словами, на все про все есть два-три дня, когда ситуация с расследованием прояснится. Значит, с этой стороны сейчас ожидать слежки за супругой следователя не приходится. Излишняя бдительность тоже ни к чему хорошему не приводит. Странно, что Сева так легко принял мотивы Меркулова. Или имелись какие-то другие соображения? А какие? Эх, перемолвиться сейчас бы с самим Александром Борисовичем! Узнать, в каком состоянии расследование, что он собирается предпринимать? И собирается ли вообще? Супруге-то откуда знать?... Хотя, с другой стороны...

– Не знаете, кто сейчас ведет вместо Александра Борисовича то дело?

– Костя сказал, что Володя Поремский. Вы знакомы с ним?

– Знаю. Хорошо, я сам выясню.

– А какое, вы считаете, это может иметь отношение?

– Самое прямое... Скажите мне, пожалуйста, вот что. Зная своего мужа лучше, чем кто-нибудь другой, включая и Грязнова, и Меркулова, как, вы думаете, он может поступить в подобной ситуации? Я не в том смысле, что он резко откажется вести дальнейшее расследование, это точно не в его стиле. Но как он поступит, станет ли хитрить, делать вид, что ничего не делается, в то время как расследование будет форсироваться, или громко и внятно пошлет этих деятелей подальше? Имеем мы, другими словами, выигрыш во времени или нет?

– Я теперь поняла, что этот вопрос для вас важный. Но ответить на него смогу только тогда, когда Шурик узнает о предупреждении. Сделанном, к слову говоря, весьма любезным, а оттого и отвратительным тоном. Ужасно противный этот адвокат...

– Да? А вы с ним знакомы?

– Лично – нет, конечно, но и Костя, и Шура, я уверена, его знают. Это некто Гринштейн Борис Аркадьевич. Ну еще наверняка Юра... Юрий Петрович Гордеев. Знаете такого?

– Знаком, – скромно ухмыльнулся Щербак, довольно долгое уже время, как и другие сотрудники «Глории», работавший вместе с Гордеевым, нередко в прямом смысле защищая его и осуществляя оперативную разработку и сопровождение клиентов этого адвоката. Близкого товарища, кстати, покойного Дениса. Ох, господи, куда ни ткни, повсюду невольно возвращаешься к одному и тому же...

– Тогда вы вполне можете у него и поинтересоваться, – предложила Ирина.

– К столь простому решению могла прийти только женщина, – Щербак усмехнулся. – Давайте прямо сейчас, что называется, не отходя от кассы, это и сделаем, если вы не торопитесь и предоставите мне еще несколько минут. Уверяю вас, они позже окупятся.

– У меня есть немного времени. – Ирина посмотрела на часы. – Надо только не опоздать в школу, за Васенькой... Это сынишка Плетнева. Я осуществляю, так сказать... Мальчик прямо из детдома, к нему сейчас особый подход необходим.

– Ну да, понятно, – сухо ответил Щербак, отыскивая в меню сотового телефона номер Гордеева.

Ему не хотелось ни поднимать эту тему, ни участвовать в ней в качестве случайного слушателя. В «Глории», среди старых сотрудников, по поводу этого факта уже сложилось свое мнение, хотя оно и не обсуждалось. В конце концов, как развиваются семейные отношения – это личное дело каждого, но вламываться в чужую семью, оправдываясь тем, что своей нет, да еще в тот момент, когда законный муж находится на больничной койке в тяжелом состоянии, это, как сказал начитанный Филя Агеев, не комильфо, то есть, другими словами, очень хреново. И не по-мужски. Но пусть сами разбираются. А конкретно к Антону Плетневу, новому сотруднику «Глории», которого взял Голованов по рекомендации все того же Меркулова, у Щербака личных претензий не было, да и не могло быть, такого напарника он себе ни в жисть не пожелал бы. Вот и весь сказ. Занимается тот поиском неизвестного террориста – и флаг ему в руки.

Другой вопрос: не могли ли эти разные по сути дела где-то перекреститься?

– Здравствуй, Юрий Петрович, – поприветствовал своего частого клиента Щербак. – Вопрос имею.

– Привет, Коля, – узнал Гордеев. – Слушаю тебя.

– Нужны данные на адвоката Гринштейна, слышал о таком? Борис Аркадьевич.

– А чего это вас всех он заинтересовал? То Меркулов звонит, теперь ты... Прокололся он где-то? Костя чего-то темнил. Но, смотрю, теперь и ты интересуешься.

– Я чисто практически. Может ли его предупреждение, например, иметь серьезные последствия? Или это у него только слова?

– Если твой интерес связан с тем делом, которое расследует... ну, расследовал Саня Турецкий, то, полагаю, может. Потому что, я слышал, в деле очень большие и наглые силы задействованы. Но убрать, скажем, того же Саню вот так, сразу они вряд ли решатся. А шантаж какой-нибудь устроить вполне в их силах. В связи с чем, конкретнее, твой вопрос?

– Представляет ли их угроза серьезную опасность для Ирины Генриховны?

– Вполне, – однозначно ответил Гордеев. – Убивать наверняка не станут, но спрятать и грамотно шантажировать могут. При том условии, если Саня смачно плюнет на их угрозы. А как наши доблестные правоохранители ищут жертвы похищений, не мне тебе рассказывать. И характер Сани тебе тоже известен. Как бы у них с Ирккой отношения иной раз ни складывались, он за нее любому пасть порвет, что тоже всем давно известно. А заодно и пошлет все это расследование по известному адресу. Так что, если ты задействован, гляди в оба и не убирай руку с пульса. Думаю, здесь главное – не пропустить момент. А что касается личности этого Гринштейна, то он, по большому счету, слабак, хорош только на подхвате – сбегать, принести в клюве. Заболтать еще может, но в серьезном деле я на него не положился бы... Староват уже, отсюда потеря темпа. Но за ним стоят очень нехорошие дяди, Арбузов и Гребенкин, если тебе что-нибудь говорят эти фамилии. Они – не тигры, а скорей гиены – звери, опасные в стае, а поодиночке трусоватые, но с очень сильными, если это тебе известно, челюстями, перемалывающими буквально все. А самое главное – то, что за ними. Это – финансовая группа «Горизонт», оказывающая за очень приличные деньги рейдерские услуги. Вот эти уже настоящие хищники. Но я Сане говорил, а реакции его не знаю. После всех ваших печальных событий...

– Ну, спасибо, обрадовал, – вздохнул Щербак и отметил тревогу, метнувшуюся в глазах Ирины Генриховны. Да, вести такие разговоры при ней не следовало бы, но времени мало, а от Севы никаких толковых вводных данных получить не удалось. Значит, пусть слушает и знает, что это уже не игра в бирюльки. – В общем, картинка более-менее ясна, – сказал Николай, даже

и не пытаюсь придать голосу бодрости. – Я буду ездить за вами ровно столько времени, сколько потребуется. А с вашей стороны я должен получать следующие сведения: когда вы едете, куда, зачем и с кем. Также – время пребывания. Свой намеченный маршрут можете менять только после согласования со мной. Для этого вот вам телефон. Номер его нигде высвечиваться не будет, необходимые номера в меню я уже внес, потом посмотрите. А вообще, Ирина Генриховна, дело, оказывается, несколько серьезнее, чем мы предполагали у себя в «Глории»... И последнее. Головой, пожалуйста, не крутите, ведите себя за рулем, как ведете обычно. Меня не ищите, я и так буду рядом – это для вашей полной уверенности. И пожалуйста, постарайтесь не нарушать правил уличного движения.

Щербак улыбнулся и увидел, что у Ирины тоже словно бы спало с лица напряжение.

– Куда мы едем?

– На Комсомольский проспект, в школу, там Вася...

– Тогда так. Направляемся в сторону Елоховской площади, дальше поворачиваем на Садовое, по нему до Комсомольского, а там?

– На Второй Фрунзенской поворот направо и затем – налево – по Ефремова.

– Ну да, район у вас такой – маршальско-генеральский, – хмыкнул Щербак.

Первый признак «хвоста» Николай засек при выезде со Старой Басманной на Садовое кольцо. Подумал, что ошибся, отошел дальше, перестроился в ряду. Но после поворота на Комсомольский проспект был уже уверен, что не ошибся. Это была «асфальтовая» «Лада-восьмерка» с затененными боковыми стеклами. Чтобы не засветиться раньше времени, Николай прибавил скорости и, зная уже конечный адрес, проскочил Вторую и повернул на Третьей Фрунзенской, оказавшись у школы раньше Ирины. И встретил ее и сопровождавшую «восьмерку», мирно прогуливаясь поодаль от школы.

Водитель «восьмерки» не выходил, остановив машину на углу перекрестка. Щербак сунул в рот сигарету и, сокрушенно похлопывая себя по карманам, просто «вынужден» был потревожить водителя машины. Постучал в чуть приспущенное стекло, из-за которого просачивалась струйка дыма.

– Друг, прости, огонька не найдется?

Стекло опустилось, и Николай увидел лицо, как говорят нынче, явно «кавказской наружности».

Больше в салоне никого не было. «Это неплохо», – подумал он. И повторил просьбу, скорчив совсем жалкое лицо и как бы прикрывая нижнюю часть лица ладонью с сигаретой между пальцами. Усатый водитель с гладко выбритой головой, синей щетиной на подбородке и орлиным профилем посмотрел на просителя презрительно, молча дотянул из сигареты последний дым и небрежно высунул наружу руку с дорогим «ролексом» на волосатом запястье, золотым перстнем-печаткой на мизинце и окурком, зажатым между указательным и средним пальцами. Щербак нагнул свою вихрастую, светловолосую голову, чтобы вежливо прикурить, но водитель брезгливо сунул ему окурочок под самый нос, как собаке:

– На!

Николай аккуратно вынул из его пальцев окурочок, жадно прикурил, искоса поглядывая на водителя, и попытался вернуть окурочок, но тот отмахнулся растопыренными пальцами, бросив:

– Сэбэ бэри, я нэ жадный! – И хрипло рассмеялся.

Резко выброшенный, почти кинжальный удар ребра ладони по горлу, над кадыком, отбросил голову водителя на спинку сиденья. Ну а дальше, как говорил обычно Щербак, последовала чистая техника. Он натянул нитяные перчатки, чтобы в машине не осталось отпечатков пальцев. Откинул назад спинку водительского сиденья и рывком перебросил назад бесчувственное тело. Трубочка широкой ленты скотча сделала всего пять витков – и ноги лежащего оказались спеленаты, еще пять витков – и стянуты за спиной руки, нашлапка – и плотно запечатан рот. А затем тело водителя плотно улеглось на пол, втиснувшись между задними сиденьями

и спинками передних кресел. Так надежно, сам не выберется. «Бэдный парень, ах, как больно будет ему отрывать скотч от усов!» – ухмыльнулся мысленно Щербак. Ключи от машины, документы и бумажник из карманов куртки, сотовый телефон и пистолет Макарова из бардачка Николай сложил в полиэтиленовый пакет – до всего этого руки дойдут потом, а пока он поднял боковое стекло, запер машину и отправился к своей «девятке».

Он снова сидел в своей машине и ждал, когда появится из-за ограды школы Ирина Генриховна. Следующий маневр – поездка на Фрунзенскую набережную, это на другую сторону Комсомольского проспекта, где проживали Турецкие. Там Вася будет обедать, делать уроки, отдыхать, смотреть телевизор, после чего «мадам Турецкая» зачем-то потащит его, уже под вечер, обратно в госпиталь, к Александру Борисовичу. Непонятно только, зачем, будто она боится оставлять этого мальчишку у себя в квартире одного. На этот вопрос Щербака, еще при составлении маршрутов – из тех, что уже были ясны на сегодняшний день, – Ирина Генриховна не совсем внятно объяснила, что сейчас Васе необходимо быть под непрерывным наблюдением взрослых. Поэтому у него пока и учебный день в школе неполный, надо забирать его после первых трех уроков. И это, мол, требуется для его правильной адаптации после тех стрессовых ситуаций, в которых он находился, когда его удалось с большими сложностями, между прочим, вернуть из детского дома к отцу. А психологическая реабилитация человека, да еще находящегося в детском возрасте, – дело необычайно тонкое и чрезвычайно щепетильное. Меркулов лично занимался проблемой возвращения ребенка в лоно семьи, в смысле – к отцу. Вон даже как! Николай недоумевал. Но одно было ему ясно: Ирина Генриховна, вероятно, оказалась на тех курсах по изучению психологии самой способной студенткой...

Что же получается, в конце-то концов? Александр Борисович – в госпитале, и, судя по всему, еще долго будет там находиться. Дочка его учится в Англии, и вообще, говорят, у нее свои интересы. Во всяком случае, беспокойство о здоровье отца, перенесшего тяжелейшую контузию, и матери, потерявшей в этой связи так и не родившегося позднего ребенка, дочь, конечно, проявляет. Звонит, интересуется. Но, как говорил Сева Голованов, на дух не принимавший никаких сплетен, особенно о близких знакомых, особого рвения утешить родителей не выказывает. Вроде у нее какие-то там сборы, слеты, конференции – черт их знает, эту нынешнюю молодую генерацию, помешанную на немедленном переустройстве мира! А в принципе, что естественно, размышлял Щербак, взрослеющий единственный в семье отпрыск, принявший на себя в детстве всю любовь родителей, обычно не желает иметь конкурента в этом смысле. И вырисовывается такая диспозиция, что Ирина Генриховна осталась сейчас, по существу, одна со своей потерей и болью. И тут вдруг – такая находка! Ребенок, за которым надо немедленно и активно ухаживать! Это ж просто чудо, как вовремя он появился! Вместе со своим папашей...

У Антона Плетнева, хоть он и не любит об этом распространяться, есть, или была в недавнем прошлом, собственная квартира, в Восточном, кажется, округе. Но он то ли сдал ее на жестко оговоренный срок каким-то квартиросъемщикам, то ли вообще продал, после того как его выпустили из психиатрической больницы и лишили отцовства. Вот он и остался с деревенской развалюхой, и никакой форс-мажор ему помочь не может. Правда, все тот же Меркулов – вон как заботится, даже интересно, с чего бы это? – «пробил» комнату в общежитии милицкого городка, в Южном Бутове. Далековато, ничего не скажешь, но ведь пусть временное жилье, зато – свое! А Антон, как видно, вовсе и не живет у себя. Вася же должен находиться под постоянным присмотром женщины-психолога, следовательно, надо понимать, у нее дома он и обретается – ест, пьет, уроки делает, ночует. И где ж тогда его папаша по ночам место себе находит? Получается, рядом с сыном? У доброй тети Иры под бочком? Неплохо устроился... Вот откуда, поди, и слухи... Не позавидуешь Александру Борисовичу... И этот Антон – тоже хорош гусь!..

Осуждая Плетнева, Николай в глубине души, конечно, понимал его, хотя бы отчасти. Потому что не был уверен, что в подобной же ситуации – не дай бог случись она у него – поступил бы иначе...

Антон был, как и положено человеку его «тайной профессии», в длительной командировке, а когда вернулся домой, узнал, что двое отмороzków поймали недалеко от дома его жену, увезли ее в лесопосадки, где зверски изнасиловали и убили. Зарезали – там какое-то немыслимое количество ран насчитал судебный медик. А милиция? Объявили, что это убийство – дело рук очередного маньяка, и стали его вычислять. Долго вычисляли, но что-то у них не сходилось, так и «висело» убийство в ожидании очередной жертвы, после которого они уж точно рассчитывали обнаружить того маньяка. Сын же, Вася, которому тогда исполнилось не то шесть, не то семь лет, был передан в интернат – не оказалось рядом никого из родных!

Плетнев не стал дожидаться торжества Фемиды, он сам обошел всех соседей, всех спросил и выслушал, а затем – все ж таки крупный специалист по этой части! – нашел обоих ублюдков. Те не поняли, с кем имеют дело, а когда поняли, было уже поздно, и их искреннее раскаяние в содеянном, их клятвы никогда больше, ни сном ни духом, их мольбы и стоны уже не могли остановить Плетнева, прошедшего суровую школу, которая не под силу иному иностранному наемнику. Оба мерзавца, один за другим, скончались в муках. Антон и не собирался скрывать своей «работы», он же был «профи». Но опомнившаяся милиция, говорят, ужаснулась, и Плетневу определенно грозило пожизненное заключение.

На его счастье, хотя сам Плетнев так не считал, дело попало в руки Турецкого.

Александр Борисович, отлично знал Щербак, никогда не относился к своим делам формально. И уж тем более не принимал во внимание «общественное мнение», на которое ему, как юристу, а главным образом как практику, было в высшей степени наплевать: сегодня оно – одно, а завтра – другое, причем по поводу одного и того же явления. Короче, он добился того, чтобы Плетнева немедленно отправили на судебно-психиатрическую экспертизу. После которой Антон загремел в «психушку» – к великому неудовольствию представителей «широкого общественного мнения», усмотревшего в показательной казни, устроенной Плетневым, бог весть какую гидру, реально и конкретно угрожавшую любимой демократии и, соответственно, правам человека.

Но, так или иначе, а два года Антон в «психушке» провел. И, выйдя на волю, судом лишенный отцовства, еще полгода пил, проклиная прокуроров, «пустивших его жизнь под откос». Хорошо, что мстить снова не стал. А самым главным его врагом, как позже выяснилось, был Турецкий, который даже и не догадывался об этом. И вот теперь ситуация словно перевернулась на другой бок, и как теперь можно понимать поведение Антона? Как «сладкую месть»? Или тут что-то иное, до чего пока не додумались мозги Щербака? А в принципе, он и не собирался ломать себе голову над этой проблемой – сами не дети, разберутся. Хотя, если честно признаться себе, то Антон Плетнев вызывал у Николая двоякую реакцию – и понимание, и отторжение. То есть, говоря другими словами, по Щербаку – мужчина должен оставаться мужчиной, а не сукой, в любой ситуации, и не дожидаться, когда тебя ткнут мордой и скажут: что ж ты творишь... ну и, соответственно, образное сравнение с моржом либо голландским сыром...

Николай терпеливо дождался, когда из школы вышли и сели в машину Ирина Генриховна с мальчиком, «проводил» их до самого подъезда и поднялся с ними в квартиру. Проверка на «постороннюю технику» много времени не отняла. И пока Вася, весьма любознательный и беспокойный малец, обедал, Щербак закончил работу в квартире, так ничего и не обнаружив. Возможно, сюда еще никто не проникал. Зато за крышкой электрощита на лестничной площадке, куда сходились электропроводка, телевизионные и телефонные кабели от всех четырех квартир, Щербак обнаружил-таки самого элементарного «жучка». Он «сидел» на городском телефоне Турецких. Не первый, как помнил Николай, и, вероятно, далеко не последний. Наверное,

просто для порядка поставили, потому что известно уже всем, что народ по городской телефонной связи никаких собственных секретов давно не выбалтывает. Он уже и мобильной-то не очень доверяет.

Сунув «жучка» в карман, Николай вернулся в машину и, имея у себя в запасе время почти до самого вечера, позвонил в «Глорию», чтобы кто-нибудь подъехал и забрал у него «трофеи». Надо же разобраться, кто был тот «орел» из «восьмерки»? Сам лезть в чужие документы Николай без особой необходимости не желал – зачем знать, кому ты устроил короткий привал без сновидений? Сева – начальник, пусть и ломает себе голову.

Словно нарочно, приехал именно Голованов. Николай отошел с Севой в сторонку, описал очередность событий, отдал пакет и «жучка», лишённого своей шпионской жизни. Сева бегло просмотрел документы, хмыкнул и сказал, что тот «водила» – личность несомненно интересная. Амир Датиев, семидесятого года рождения, родом из Кизляра.

– Это Дагестан, – подсказал Щербак, помнивший, что в лучшие времена пил кизлярский коньяк, производимый в этой республике.

– А права выданы в Ачхой-Мартане, – продолжил Сева.

– Ну да, ты ж помнишь, по дороге на Бамут, – подсказал Николай.

– Такое не забудешь, – буркнул Голованов, хмурясь. – Но это никакой не Дагестан, а самая что ни на есть Чечня.

– В паспорте посмотри, наверняка он чеченец по национальности.

– Да нет же паспорта! Удостоверение есть. Советник постоянного представителя президента Чеченской Республики в Москве – во!.. И чего ему вздумалось за Ириной гоняться? Ты не ошибаешься, а то борцы за всякие там права нам шеи, не ровен час, намылят?

– А мы ни за что не расколемся, – возразил с ухмылкой Щербак. – Ничего не видел, не слышал, не брал – и все! И «Евгения Онегина» тоже не я писал, хоть в угол меня ставьте!

– Да, с тобой спорить трудно, – засмеялся Голованов. – Ну пистолетик мы подбросим в какую-нибудь «ментовку», они разберутся. Деньги вот еще тут... – добавил задумчиво. – Может, в собственную кассу сдадим, как добровольное пожертвование?

– Ну если на то пошло, там у него еще и вполне приличный «ролекс» был, и золотая печатка. На состояние, конечно, не тянет, но все-таки...

– А он, кстати, где сейчас отдыхает?

– Напротив школы, у перекрестка. Удобный был наблюдательный пункт. Там деревья и кустарник его прикрывали. Асфальтового цвета «восьмерка», далеко не новая, между прочим. А ключи я вполне мог прямо на капот бросить. Или возле машины на травку уронить – с правой стороны. Ты погляди, как лучше. А его я хорошо затолкал на пол, сам не вылезет. И еще, будь другом, сделай ему больно, когда станешь скотч с лица сдирать. Не торопись только, пусть, гнида, услышит, как у него усы трещат. Я лишь посмотрел на него, сразу сообразил, что он не с Усачевского рынка. А данные его хорошо бы Демидычу переслать, в Грозный. И мобильник проверить на входящие-исходящие.

– Я тоже подумал, что этот Датиев вполне может быть именно тем, кого мы ищем. Простой и незаметный советник, да? И машинка, говоришь, так себе? Ну хорошо, Коля, вообще-то я тебя больше не задерживаю. Но, если хочешь, остановись поодаль и понаблюдай. Заодно позвони в «Глорию», пусть срочно передадут Демидычу все данные на Датиева. Словом, форсируй, пока этот хрен в наших руках. Поеду к нему, придумаю что-нибудь по ходу...

И они собрались отправиться обратно, через Комсомольский проспект, к школе, занимавшей половину квартала посреди затененных зеленью переулков, но Николая остановил звонок мобильника. Звонила Ирина. Не извиняясь, ничего не объясняя, будто до вечера работа Щербака не закончилась, она заявила, что сейчас они поедут.

– Куда? – спросил Николай, особо и не удивляясь. Ответ был потрясающим:

– Вася хочет в зоопарк.

– Вася... хочет?! – изумился Щербак.

– Да, – как ни в чем не бывало ответила Ирина Генриховна. – Такие посещения у нас также входят в программу реабилитации.

– А уроки он не хочет поделать? – съязвил Николай.

– Давайте не будем обсуждать эти вопросы, – сухо ответила Турецкая. – Мы выезжаем. В зоопарке можете за нами не ходить, а посещение займет, как я думаю, не менее трех часов. Но и не более. Потому что потом у Васи – полдник, здесь, дома, после чего мы отправимся в госпиталь.

Николай пересказал Голованову то, что услышал, Сева развел руки в стороны и мрачно ответил, что каждому – свое. И, садясь в машину, добавил, что в «Глорию» позвонит сам, Щербаку, видно, будет уже не до этого...

«Восьмерка» по-прежнему стояла возле перекрестка и не подавала никаких признаков жизни. Сева поставил синюю «Мазду» за углом школы и, прежде чем выбраться из-за руля, надел на себя черную куртку с разноцветными шевронами охранника. Пружинистым шагом обошел он «неизвестную машину», осматривая все вокруг нее, затем нагнулся, поднял ключи с брелоком, которым и «пискнул», поднимая дверные запоры. Он открыл дверь водителя, хлопнул ее, ничего не увидев, открыл заднюю и... громко выматерился. Как всякий нормальный, грубый охранник, обнаруживший на охраняемом им важном объекте нечто совершенно непредвиденное.

Между сиденьями слабо дергалось тело человека, лежавшего на боку. Лечь на спину или на живот, чтобы суметь подогнуть ноги, ему не позволяло тесное пространство.

Не без труда, дергая за ноги, Сева сумел вытащить человека и положил его на асфальт возле машины. Тот дико вращал налитыми кровью глазами и продолжал изгибаться, как червяк, на которого наступили.

«Непонятливый» Голованов строго уставился на лежащего, потом присел возле его головы и задал совершенно идиотский вопрос, будто связанный человек с залепленным скотчем ртом мог ему ответить:

– Ты кто такой и чего тут делаешь? – И стал терпеливо ожидать ответа. Наконец добавил после длительной паузы, во время которой спеленатый человек весь успел издергаться: – Чего молчишь? Не хочешь отвечать? Сейчас милицию вызову!

Угроза, видать, возымела действие, поскольку пленник умудрился что-то промычать.

– Ну тогда давай пока без милиции, – пошел на уступку Голованов, продолжая сидеть на корточках. – А-а, ну да, у тебя же намордник, вон чего... – И Сева стал медленно отдирать ленту скотча, приговаривая при этом: – Да не трясись ты! Чего дергаешься? Я – аккуратно, медленно, чтоб тебе не больно... Ну ты, блин, беспокойный! Слушай, будешь дергаться, щас назад заклею на хрен и в ментовку сдам!

Наконец пластырь с лица был убран, и водитель заорал хриплым, лающим голосом, мешая матерные и произносимые с сильным акцентом русские слова. Понятно было только то, что он сейчас всех, кто находится близко, раздавит вместе с одной, определенной матерью, а потом совершит грязный половой акт уже с другой матерью. «Охранник» пришел в изумление от разносторонних способностей водителя и, очевидно в восторге, шлепнул раскрытой ладонью по орущей физиономии – да так ловко получилось, что кричавший словно захлебнулся и долго молчал, вытаращив глаза, пока не начал стремительно приходить в себя.

Сева сложил его пополам и посадил, прислонив спиной к автомобильному колесу. А затем начал косноязычно объяснять, что он сам, вообще-то, здесь школу охраняет. И эта машина, которая стоит давно, вызвала у него законное подозрение. И ключи от нее вон там, показал он пальцем, в траве, валялись. А оказалось, здесь вон чего! Сперва подумал – трупешник, разборка какая-нибудь, но получилось, что живой? И чего он тут делает? И кто его так...

обидел? И вообще, кто он такой? Тут школа, тут нельзя на дороге валяться, с этим делом нынче очень строго, вот из 107-го отделения милиции сейчас приедут и разберутся.

Выслушав «законные претензии» представителя школьной охраны, связанный стал просить развязать его, освободить руки и ноги, и тогда он все объяснит.

– Руками, что ль, объяснять собираешься? Или ногами? – высказал совершенно нелепое предположение Сева. – А так не умеешь? Языком?

– Документы мои посмотри! – скривился водитель.

Сева охотно обыскал все его карманы, забрался в машину и пошарил в бардачке, сбросив попутно туда пистолет: дальнейший вариант «кампании» уже сложился в его голове. Вылез и развел руками – нет ничего.

– Тебя, что ль, ограбили? А кто? Видел хоть? В ментовке-то чего объяснять будешь? И пушку зачем-то в бардачке возишь? Не, мужик, это не порядок, школа же тут! Дети, понимаешь! А ты – вон, связанный... И документов при себе нет, а пушка есть! Непонятно... Даже, я бы ответственно заявил, очень подозрительно! Ты сам разве не находишь?

И тогда Амир Датиев, как он значился в собственном удостоверении, где была наклеена его фотография, стал врать, что на него напала братва, к которой он приехал на стрелку. А сам он работает на ближнем, Усачевском рынке, и хозяин велел ему «перетереть» с «хамовническими». Но вот его подставили, и это дело, конечно, никто теперь им не спустит. Но не сейчас, конечно, надо еще разобраться, кто конкретно подставил и кто за это ответит. В общем, типичная бандитская разборка. Под таким соусом подавал Амир свое вынужденное, надо понимать, поражение.

Но почему именно такой вариант был выгоден Датию?... А может, кстати, никакой он не советник, и «ксива» у него липовая, для прикрытия? И пистолет наверняка не зарегистрированный? А он про него так ничего и не объяснил, будто в Москве положено, чтоб всякий «орел», слетевший с Кавказских гор, пушку при себе таскал! И про мобильник свой не спрашивает.

Ладно, пусть подставили, согласился Сева, но что-то уж больно на грабеж это дело похоже. Тут Сева откровенно засомневался, о чем и не преминул сообщить. Говорит, ограбили, деньги, документы вынули. Ну, пусть так. А почему тогда дорогие часы с руки не сняли? Перстень золотой? Может, все-таки не разборка была, а что-то похуже? Он, вообще-то, кто? ... Ах, ингуш? Ну эти, говорят, мирные, проявил знание предмета Сева. Это Чечня все никак не успокоится, а ингуши вроде бы как давно мир в своем доме строят. Так и по телику показывают... Ну а делать-то чего надо? Ментовку придется вызывать.

Очень не хотел этого Датиев. Он назвал себя Султаном Костаевым и предложил Севе в любой день, в любое время заходить на Усачевский рынок и спросить у любого про Султана – сразу позовут. И благодарность его будет по-настоящему братской. А теперь бы развязал он его, что ли? А то неприлично мужчине в таком виде валяться – заметят, смеяться станут, позор на всю жизнь...

В этот момент у Севы зазвонил сотовый телефон.

– Из школы, наверное, беспокоятся, что долго не возвращаюсь, – объяснил Султану Сева, поднимаясь с корточек. – Слушаю, охранник Воронцов! Я на внешнем периметре... Так точно! Сейчас явлюсь... – Отключил телефон и сказал водителю: – Видишь, срочно зовут... Давай-ка я тебя обратно в машину пока посажу, разберусь, что там у них, и вернусь. Тогда решим.

И как ни просил Датиев, как ни обещал вознаградить, как ни извивался в крепких руках бывшего командира взвода разведки спецназа ГРУ, Сева без суеты и с приятельской грубоватостью засунул его за руль и захлопнул дверцу, жестами и улыбкой показав, что сильно торопится, но скоро вернется.

Звонил Щербак. Он успел-таки, следуя за зеленым «Дэу», созвониться с «Глорией», а находившийся там на удачу Алексей Петрович Кротов сказал, что передаст известие в Гроз-

ный – для Володи Демидова, а сам тут же вышел на представительство Чечни, что в районе Смоленской, в Денежном переулке. Так вот, нет никакого Амира Датиева в советниках у представителя президента. Нет и никогда было. И кто это такой, никому в представительстве неизвестно. Ну а раз так, остается один путь – передать Датиева властям, желательно объяснив им достаточно внятно, как, выполняя оперативное задание Генпрокуратуры по прикрытию жены первого помощника генерального прокурора, группа частного охранного агентства под его, Голованова, руководством, прикинувшись школьной охраной, сумела задержать преследователя указанной женщины. При нем были обнаружены бумажник, удостоверение помощника представителя президента Чечни в Москве и права на вождение автомобиля, выданные в Ачхой-Мартане, то есть в Чечне. В бардачке машины был найден пистолет Макарова, который надо обязательно проверить на возможность его причастности к другим преступлениям. Эксперты-криминалисты из ЭКЦ ГУВД города Москвы сами знают, что делать.

Далее. Когда схваченный пришел в себя, Голованов представил ему дело так, будто водителя ограбили и связали неизвестные. И тогда тот назвался совершенно иными именем и фамилией. А на Усачевском рынке его не проверяли, времени для этого не было. Вопрос: кем тогда он может являться? Боевиком? Террористом, который совершил теракт в детском доме, а теперь охотится за женой едва не погибшего там помощника генпрокурора? В общем, заберите его, ребята, и колите, как умеете. Мы – частная охранная организация, во-первых, нам не с руки «политикой» заниматься, а во-вторых, мы тоже в том теракте пострадали, наш директор погиб. Поэтому если этот мужик окажется террористом, то ему лучше к нам не попадаться. А вот вам ваше драгоценное начальство еще и огромное спасибо скажет.

Отличная версия. Пусть Амир теперь в уголовном розыске про свои рыночные похождения рассказывает. Главное, понимал Сева, его держать у себя не надо. Как и прятать – до выяснения личности. А личностью Датиева, или кем он там на самом деле является, займется те, кому следует.

У Голованова, кстати, действительно времени не было прохладиться здесь. Требовалось срочно заняться расшифровкой переговоров этого чеченца по мобильной связи, а специалист, который мог быстро и профессионально сделать это, сидел в «Глории».

На том Сева и остановился. И когда прибыла милиция, Датиеву, или Костаеву, – один теперь хрен, ничего иного не оставалось, как злобно скрипеть зубами и материться, наверное, по-чеченски. Этого языка никто из милиционеров не понимал, и в злобном бормотании развязанного, но тут же закованного в наручники водителя «восьмерки», дополнительного криминала прибывший наряд не усмотрел. А Севину гражданскую позицию оценили по достоинству и пообещали вынуть из «духа» все, что тот знает, и даже то, что он, возможно, забыл еще в раннем детстве, когда Чечня была процветающей республикой.

Глава четвертая

Пора возвращаться!

Турецкий, в отличие от Меркулова, не был твердо убежден в том, что в предупреждении адвоката Гринштейна, если смотреть на вещи реально, не содержится никакой угрозы. И даже не по той причине, что он знал о конкретном деле гораздо больше Кости, которому Володька Поремский, по прямому указанию Александра Борисовича, докладывал лишь самую суть расследования, не вдаваясь в подробности. Просто Турецкий, подобно лошади, взятой в шоры, видел дорогу перед собой, конечно, более узко, чем «объективный» Костя, но зато гораздо четче и дальше. Для чего, собственно, шоры и служат. И это видение не позволяло ему расслабляться в связи с возникшими угрозами семье.

А смысл-то заключался в том, что рейдерство, как его окрестили вежливые экономисты от журналистики (либо наоборот – журналисты от экономики), на фоне полузабытых, казалось бы, методов пиратской приватизации периода начала демократических преобразований в обществе, по существу, ничем решительно от того же бандитского «решения проблем» не отличалось, разве что еще большей циничностью исполнения. Да и способы захвата и присвоения чужой собственности стали применяться с некоторой видимостью законности.

Если совсем коротко, в максимально упрощенном виде, то схема такова. Начинается разбой скупкой небольшого количества акций предприятия, которое интересуется, неважно, с какой целью, его будущего владельца. Попутно могут быть сделаны «интересные» предложения тем руководителям, на ком лежит ответственность за благополучие производства и трудового коллектива. «Берите отступные и отваливайте к чертям собачьим! Не хотите – вообще ничего не получите!»

Ну, скажем, предложение отклонено. И вот тут начинается процесс, который сегодня определяется жаргонным словом «кошмарить».

Некий «обиженный» акционер, проживающий в каком-нибудь далеком от столицы Мухосранске, подает иск в свой, близлежащий суд на руководство этого акционерного предприятия. А причин для «обиды» у него может быть великое множество, начиная, к примеру, от несвоевременной выплаты копеечных дивидендов. И все! Далее включается в действие следственный аппарат милиции или какой-нибудь областной прокуратуры, уже «заряженных» на определенную идею. После стремительного «расследования», сопровождаемого исчезновением важнейших финансовых документов, предприятие неожиданно оказывается банкротом. Собрание доселе никому неизвестных или известных, но подкупленных акционеров смещает законное руководство и добивается назначения временного управляющего. Всех остальных с помощью ОМОНа или спецназа вышвыривают из кабинетов. И затем, пока ошеломленные, теперь уже бывшие руководители предприятия носятся по разным инстанциям, добиваясь правды и указывая на то, что произошел наглый и неприкрытый грабеж, то есть бандитский захват помещений и всех активов, в это время на самом предприятии стремительно происходят необратимые изменения. Оно либо идет «с молотка» и приобретает за «смешные деньги» новым «законным владельцем», который начал рейдерскую операцию, а затем перепродается, но уже по другой, истинной цене, либо реконструируется ввиду личных интересов ловкого хозяина, либо же вообще исчезает с лица земли, освобождая желанную площадь под строительство нового жилого элитного комплекса или офис-но-торгового центра. Строптивых и несогласных бывших руководителей, строчащих жалобы во все инстанции, на этом этапе уже не уговаривают, их просто убирают. В смысле, убивают. И только грандиозные, в буквальном понимании этого слова, усилия Генеральной прокуратуры и заинтересованных правительственных организаций способны иногда остановить эту вакханалию. Иногда! Именно поэтому рейдерство названо

опаснейшим явлением, перешедшим все мыслимые и немыслимые границы законности при безудержной коррумпированности чиновничьего аппарата. А сегодня, надо понимать, против этого «позорного явления» якобы уже началась острая и бескомпромиссная борьба. Вот так...

Конечно, здесь более всего уместен был бы совет бессмертного Ильи Ильфа: «Надо не бороться за чистоту улиц, а подметать их!» Но кто сегодня станет читать классиков? Времени нет (которое – деньги!), да наверняка и особого желания...

А что касается ставшей уже по-своему банальной схемы типичной рейдерской кампании, то уголовное дело, которое расследовала бригада Турецкого, как две капли воды соответствовало ей. Именно по этой схеме разворачивался в течение полутора лет, а теперь уже и подошел к своему логическому завершению незаконный захват научных и производственных площадей уникального в своем роде предприятия НИИ «Прибор», выполнявшего, в том числе, и секретные заказы ОПК – оборонно-промышленного комплекса. С угрозами, покушениями и убийствами, с возбуждением уголовного дела против его генерального директора, с похищением документации и избиениями активных сотрудников. Полтора года вопиющего беспредела – и никакой реакции ни со стороны правительства, ни от заинтересованных ведомств. Страшная штука – лобби!

Поначалу, когда Александр Борисович только занялся этим расследованием, ему сама ситуация сразу представилась однозначно абсурдной. То есть решение напрашивалось недвусмысленное: надо было решительно брать за шиворот руководство известной на рынке рейдерских услуг (есть уже и такой!) финансовой группы «Горизонт», от имени которой действовали захватчики. Но при ближайшем рассмотрении вопроса все оказалось совсем не так просто. И прежде всего потому, что в дело вмешалось активное, невероятной пробивной силы лобби. Генеральную прокуратуру, которая вмешалась и приняла уголовное дело об убийствах и захвате оборонного, по сути, предприятия, к своему производству, завалили депутатскими запросами, отмахнуться от которых было никак нельзя. Демократия же!.. И не дай бог обозвать ее куда более соответствующим ее сути словом! Не мелочь какая-нибудь провинциальная поднялась, а «отдельные» депутаты Московской городской думы, Государственной думы вдруг «решительно и однозначно озаботились» неправомерными действиями ответственных сотрудников Генпрокуратуры, которые лезут, естественно, не туда и занимаются не тем! И все они требуют немедленных ответов на свои нескончаемые «запросы», на что, собственно, и уходило основное рабочее время бригады. И пока шла лукавая и бессмысленная переписка, от прежнего предприятия практически остались рожки да ножки. Производственные площади спешно переделывались под склады, а здание уникального по-своему института – под очередной крупный торговый центр со всякого рода многочисленными и «многопрофильными» увеселительными заведениями, хотя по ту сторону Москвы-реки – стоило лишь перейти по пешеходному мосту – располагался богатый на все эти прелести парк культуры имени Горького. Нет, и в сознании дельцов, и в префектуре, судя по всему, утвердилось убеждение, что нормальная жизнь в Москве немедленно прекратится, если на каждом углу не будет открыто по казино!

Было, конечно, слабое место в этой истории. Что ни говори, а производственные помещения почти в центре Москвы – это не дело, экологи тоже правы. Но почему нельзя было обеспечить переезд НИИ «Прибор» на новое место? Зачем было взрывать автомобиль главного конструктора? Кто и за что расстрелял на выходе из подъезда жилого дома финансового директора? Что за бредовые обвинения выдвинуты против генерального директора? И почему мерой пресечения для широко известного в отечественной науке доктора технических наук Переверзева следователем межрайонной прокуратуры было избрано неременное содержание под стражей в СИЗО № 2, то есть в «Бутырке»? Короче, кому это было нужно? Много на первый взгляд «нелепых» вопросов возникало у Александра Борисовича. И самое главное, он интуитивно чувствовал, что, скорее всего, нашел бы ответ на них, если бы не... Ну да, идиотская ситуация с подарками для детского дома... Если бы не...

Имея теперь абсолютную возможность вспоминать, размышлять и в сотый раз проследить внутренним взором от начала до конца благотворительную поездку в детский дом, Александр Борисович так и не смог найти для себя однозначный ответ: что им двигало при его колоссальной загруженности? Что двигало Костей Меркуловым, когда тот с пеной у рта настаивал, чтобы именно Саня Турецкий, оказывается, лучший друг малолетних детдомовцев, бросил все свои неотложные дела и помчался черт-те куда раздавать плюшевых мишек и прочих зверушек явно китайского производства? Что Славкой Грязновым двигало, организовавшим вместе с Костей эту широкую благотворительную акцию с подарками для детей, оставшихся без родителей? Что двигало, наконец, Денисом Грязновым, который также отложил, теперь уже, как оказалось, навсегда, все нерешенные проблемы в агентстве «Глория» и, повинувшись приказу дядьки, загрузил целый фургон игрушками? А потом еще так радовался, когда узнал, что и Меркулов заставил Саню отправиться в детдом вместе с ним. И какие-то речи произносить, до которых дело так и не дошло...

Вовсе несусеверный Турецкий, всякий раз вспоминая череду дальнейших событий, приходил к неутешительному для себя выводу, что все затем последовавшее – юная террористка, обвязанная поясом шахидки, ее непонятные требования и угрозы взорвать огромный зал, в котором скопилось до сотни детей, ожидавших приезда артистов, – указывает на какое-то мистическое предопределение. То, что погиб Денис, это действительно случайность. Погибнуть должен был не он, а Турецкий, который выбросился из окна вместе с той девчонкой, держа ее руки и не давая ей соединить контакты. Но, как позже стало понятно, никакие контакты на ее поясе ни малейшей роли не играли: взрывом руководил тот, кто находился фактически в пределах досягаемости и даже, вероятно, видимости. И когда тот мерзавец понял, что оставлять юную шахидку в живых уже нельзя, он и привел в действие радиовзрыватель. Да только Александр Борисович и Денис этого не знали. Не могли знать...

Вот поэтому Денис, милый, славный Дениска... ринулся следом из окна, чтобы успеть оттащить лежащего на асфальте «дядя Саню» от террористки, и... принял на себя весь удар взрывчатки... Как в бою, грудью своей закрыл командира... За такой подвиг присваивают посмертно звание Героя... Присваивали... Потому что никому больше в этом скверном обществе не нужны ни память, ни сами Герои... Отдельным людям – другое дело. Но они если и представляют собой частицу общества, то совсем малую, с которой можно уже и не считаться.

Скверные мысли, горькие, а куда от них денешься? Наверное, и по этой причине тоже все чаще возникала в мыслях Турецкого странная уверенность, будто все действительно было уже заранее предопределено неким Высшим Замыслом. Ну, с самим-то собой, понимал Александр Борисович, в общем, какая-то ясность имеется: конечно, грешен. Куда деваться, истинно так, пытался даже покаяться однажды, – перед тем как тогда отправиться в «Сокольники»... Что там Маяковский написал? «Все чаще думаю – не поставить ли лучше точку пули в своем конце». Вот-вот... Был самый тот, что называется, случай. Но тогда пронесло. И опять же Дениска спас, заменив пистолет... Или Бог миловал. И теперь вроде тоже, и снова спас Денис... Но его-то за что?! А может?... Недаром, наверное, народ говорит, что Господь забирает к себе лучших. А кое-кого предупреждает. Иногда очень серьезно. А на кого-то, выходит, вообще ноль внимания? Продолжай, мол, гнить, пока не развалишься? Странно, вряд ли так бывает... А что тогда бывает?... Вечные вопросы без ответов.

Ну, конечно, если бы не то, да кабы не это... И где-то затаился тот мерзавец, который бестрепетной рукой взорвал девчонку, зарезал другую, а теперь наверняка готовит очередную жертву своему божку... Вон он, стервец, болтается на спинке стула, на шнурке, сплетенном непонятно из какого материала – крепкого, как железо, и гибкого. Наверное, из жил диких африканских животных местные шаманы плели. Черный каменный уродец... Злой гном, пьющий чистую кровь детей... Но какая связь между этим амулетом и смертоносным оружием воинствующего ваххабита? Пойми это, Турецкий, и ты окажешься у истоков разгадки...

Нет, с другой стороны, определенная ясность все-таки имеется. Вплоть до имени возможного исполнителя. Это если именно он – исполнитель, а не заказчик и киллер – в одном стакане. Что, кстати, тоже не исключено, хотя как раз подобные варианты – чрезвычайная редкость. Но все может быть...

Ребятки из «Глории», и в первую очередь, разумеется, Алексей Петрович Кротов, попытались вычислить возможного хозяина черного амулета, человеческого уroda, потерявшего в себе все людское. Но что толку знать, что его фамилия, скорее всего, Грозов? И какая польза от того, что зовут его Георгием? И что он, под кличкой Чума, воевал в «горячих точках» едва ли не по всему миру? Уже известно, что он – мастер мимикрии и выступает не под своей фамилией в роли успешно практикующего врача-психиатра, обладающего не только серьезными познаниями в области психологии, но и весьма сведущего в оккультизме, тайной магии, колдовстве и прочей чертовщине. И в больницах, где он работал, у него была фамилия Грушев, а как его будут звать в следующий раз, никому не известно. Вероятно, он еще и гипнотизер, применяющий в своих «экспериментах» экзотический африканский наркотик. Это показали судебно-медицинские экспертизы по двум эпизодам – исследованиям останков террористки Майи и тела убитой девочки Насти. От покойной матери у него осталась в Москве квартира, но он в ней не живет и не появляется давно. Сдает вполне приличной семье, которая ни о чем, естественно, не догадывается и переводит плату за проживание на его счет в банке. Известно, что он был уволен из рядов Советской еще армии, из подразделения, о котором говорить вслух не положено во все времена.

Еще известно, что он жил в последние дни с двумя девочками в мастерской, в Измайлове, которую он купил у старика скульптора, уехавшего в родную деревню, где-то на Рязанщине. Вот и ищут того теперь, и – никаких концов, хотя был известным в недавнем еще прошлом художником... Ищут, чтоб узнать, как на самом деле выглядит покупатель, глаз художника – это ведь не глаз обывателя, а до сих пор все описания внешности предполагаемого преступника, поступившие из разных источников, не совпадали. Более того, даже противоречили одно другому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.